

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

К 4-й Международной
научной конференции
«Модернизация экономики
России: социальный аспект»

2–4 апреля 2003 г.
Москва

Е.Г.Ясин

МОДЕРНИЗАЦИЯ
ЭКОНОМИКИ
**И СИСТЕМА
ЦЕННОСТЕЙ**

Москва 2003

УДК 33:17

ББК 87.7

Я 81

ISBN 5-7598-0235-6

© Е.Г. Ясин, 2003

© Оформление. ГУ ВШЭ, 2003

Резюме

1. С 1992 г. Россия прошла два этапа преобразований: первый этап реформ — 1992—1998 гг., завершившийся кризисом; второй этап — после 1998 г., еще продолжается, хотя и с падающей динамикой. Назревает третий этап, когда решающую роль будут играть изменения в системе ценностей, в культуре.

2. Мировой опыт показывает, что Запад обладает наиболее продуктивной системой ценностей, и это обуславливает его лидерство в развитии и процветании.

3. С точки зрения культурных препятствий для развития мы можем найти много общего с Латинской Америкой. Ее опыт говорит, что ценности могут стать камнем преткновения.

4. Восточная Азия — от Японии до Китая, казалось бы, положительный пример. Но анализ показывает, что успех этих стран обусловлен тем, что на стадии индустриализации при открытой экономике западных стран им послужила конфуцианская культура — трудолюбие и иерархия. Для постиндустриальной эпохи эти ценности превращаются в тормоза.

5. Испания, еще недавно образец консервативной иберокатолической культуры, за последние 40 лет продемонстрировала серьезные сдвиги в системе ценностей, доказывая: это возможно. Главные факторы — либеральные рыночные реформы и демократизация.

6. Международные исследования системы ценностей показывают, что связь ценностей и развития благосостояния несомненна. Изменения ценностей происходят медленно, могут серьезно тормозить развитие, но ситуация небезнадежна, в том числе и для России.

7. Российские ценности сегодня — это трехслойный пирог наших государственных символов: традиционные русские ценности — двуглавый орел Палеологов; советские ценности — гимн Михалкова; новые демократические ценности — российский триколор. В этом смешении — противоречия эпохи переломов в истории нашей страны.

8. Традиционные русские ценности во многом привлекательны, но в целом низкопродуктивны. Они в значительной степени отражают отношения архаичного общества с аграрно-феодальной экономикой и иерархической структурой власти.

9. Советская система ценностей, призванная поначалу ознаменовать новую, принципиально иную эпоху в истории человечества, в итоге оказалась очень похожа на традиционную. Но не потому, что традиция пересилила и еще раз была доказана незыблемость национальных ценностей и неформальных институтов, но потому, что советская экономика и общество оказались продолжением феодальных иерархических структур.

10. Реформы меняют ценности: это доказано результатами целого ряда исследований. Структура ценностных ориентаций россиян под влиянием изменения образа жизни все более сдвигается в сторону более либеральных и продуктивных ценностей. Итог последнего исследования фонда “Либеральная миссия”: согласие с традиционными суждениями о должном и правильном выражены в 19,6% ответов; с советскими — 27,5%; с либеральными — 45,1% (данные конца 2002 г.). Даже при систематической ошибке в 5—7% и иных оговорках это убедительное доказательство позитивных сдвигов.

11. В пореформенной России получает подтверждение тезис о том, что ценности меняются под влиянием изменений в экономике и политике. Российская цивилизация показывает гибкость и динамичность, близкую к западной, в том числе в отношении ценностей. У нас более благоприятная ситуация, чем в большинстве незападных стран.

12. Чтобы развить и распространить продуктивную систему ценностей, содействующую процветанию страны в постиндустриальную эпоху, нужны:

время;

продолжение и завершение либеральных институциональных реформ;

последовательная демократизация;

гуманизация власти, политики и общественной жизни.

Оглавление

1. Этапы реформ и пореформенного развития России	7
2. Мировой опыт: культура и развитие	12
Лидерство Запада	13
Плохой пример: Латинская Америка	14
Хороший пример: Восточная Азия	17
Хороший пример динамики: Испания	22
Цивилизация и развитие	27
3. Ценности и экономическое развитие России	34
Три источника, три составные части российских ценностей	35
Традиционные русские ценности	36
Советский человек	46
Меняются ли ценности от реформ?	52
Структура ценностных ориентаций российского общества	59
4. Перспективы и задачи	64
В чем прав Маркс: глобальное развитие — от иерархии к сети	64
Российские ценности в мире	67
Что нам нужно	73
Литература	77

Чем больше времени числит история постсоветской России, чем ясней становятся медлительность и противоречивость происходящих изменений, тем чаще мы обращаемся к системе ценностей, к культуре в самом широком смысле как наиболее инерционным факторам, влияющим на экономический рост и развитие страны. Очевидно, что успех модернизации российской экономики в значительной мере зависит от того, будут ли происходить необходимые изменения в культуре, в неформальных институтах, в системе ценностей, и если будут, то каким темпом и в каких направлениях. Эти изменения, по сути, образуют не только условия успеха модернизации, ее социальный контекст, но, если задуматься, наиболее глубинное ее содержание, результат: мы сами должны стать другими, чтобы сделать страну процветающей.

Во многих из нас живет убеждение, что нам ничего не поможет, процветание не наш удел, потому что мы такие... т.е. таков наш национальный характер, такова культура, которые не переделаешь. Большевики совершали революцию в надежде, что, переменив экономические отношения, они в конечном счете переменят и характер народа. Не получилось. Говорят: можно вытащить мужика из деревни, но нельзя вытащить деревню из мужика. Так ли это?

Говорят и иное: не надо стараться изменить то, что не поддается изменениям. Напротив, реформы надо проводить так, чтобы учесть особенности культуры, национальные ценности, чтобы не насиловать природу народа. Но тогда возможно ли добиться цели, сделать Россию процветающей страной в ряду наиболее развитых стран?

Эти вопросы и обсуждаются в настоящем докладе.

1. Этапы реформ и пореформенного развития России

К началу реформ Советский Союз и Россия в его составе подошли как иерархически организованное общество с плановой, иерархически управляемой экономикой, с совокупностью социальных институтов, отвечавших нуждам такого общества. И само общество, и все его институты были архаичными и полурасложившимися. Поэтому и перестройка, и реформы, которые она подготовила, были поначалу встречены с энтузиазмом практически во всех социальных слоях.

Первый этап реформ состоял в демонтаже планово-распределительной иерархии и во введении ключевых институтов рыночной экономики: свободных цен, частной собственности, открытой экономики, рыночного курса рубля. Это был мощный импульс для последовательного изменения всех институтов, прежде всего формальных. Правовая система нуждалась практически в создании заново, но для этого нужно было гораздо больше времени. Преобразования шли неровно, нескоординированно, с многочисленными несообразностями подобного рода.

Первый этап закончился кризисом в 1998 г. Энтузиазм сменился разочарованием.

К тому же этот период был разрушительной фазой структурной перестройки экономики. Нельзя сказать, что погибло все, что не могло производить конкурентоспособную продукцию. Но, во всяком случае, в основном стало ясно, кого какая судьба ожидает. Тоже довольно печальные впечатления: сокращение ВВП на 40%, инвестиций — на 80%, в текстильной промышленности — выпуск на уровне 10% советского времени.

Но, пожалуй, самый разочаровывающий итог — тот определившийся на первом этапе тип рыночного хозяйства, который был прозван виртуальной экономикой, а также диким, криминально-олигархическим капитализмом.

На самом деле речь идет о двух взаимосвязанных, но разных вещах. Виртуальная экономика — с легкой руки Гадди и Икеса [Gaddy, Ikes, 1998] так была названа экономика неплатежей, бартера, денежных суррогатов — стала реакцией деформированной советской производственной структуры на попытки макроэкономической стабилизации. Долги и бартер повлекли за собой снижение сбора налогов, и не просто сокращение бюджета, но его катастрофическую необязательность, наносящую удар по доверию к государству, и в свою очередь новую волну нарастания долгов, включая покрытие бюджетного дефицита пирамидой ГКО.

Другая вещь — последствия экономической свободы, предоставленной реформами, и ослабления государства, вызванного социальной революцией, распадом тоталитарного режима и СССР. Демократии сходу не получилось из-за неразвитости демократических институтов и отсутствия гражданского общества.

А что получилось?

1. *Беспорядочное распределение собственности и власти* с концентрацией их на одном полюсе при росте бедности на другом. Появились так называемые олигархи, способные лоббировать свои корыстные интересы во власти в ущерб другим группам, подрывая доверие и солидарность, столь необходимые демократии.

2. *Преступность*, включая экономическую организованную преступность (рэкет) и так называемое “силовое предпринимательства” [Волков, 2002] — услуги по обеспечению безопасности богатых, выбиванию долгов, захвату собственности, заполнившие нишу, которую должно было занимать государство.

3. *Коррупция* в чудовищных размерах: плохо оплачиваемые чиновники, включая многих недавних демократических выдвиженцев, бросились эксплуатировать занимаемые должности в целях получения мзды, накопления богатства, а то и просто ведения бизнеса с использованием служебного положения. “Захват бизнеса” дополнил “захват государства” олигархами — симбиоз бизнеса и власти, но не с целью процветания общества, а лишь

обогащения относительно узкой группы лиц, подавления конкуренции. Отсюда снова подрыв доверия и солидарности, снова удар по демократии.

В элитах утвердилось циничное убеждение: иначе в России нельзя делать деньги и политику. Здесь можно только получать ренту; производством, новыми продуктами, повышением эффективности заниматься нет смысла.

Виртуальная экономика сразу стала средством наживы. Простейшая схема: заново испеченные банки, уполномоченные вести бюджетные счета, дают бюджету займы на текущие расходы, бюджетополучателям — ассигнования с крупным дисконтом, чиновникам — “откат” за услуги.

4. *Теневая экономика*. Все, что могло спрятаться от этих порядков, стремилось уйти в тень. В первую очередь это касается тех, кто от заведения таких порядков поначалу выигрывал. Они стремились уйти от налогов, от претендентов на захваченную собственность. Отсюда отток капитала. Большую часть теневой экономики занял малый бизнес, “челноки”, “самозанятые”, хотя они и не могли укрыться от “крыш” и поборов чиновников.

Такова малоотрадная картина итогов первого этапа реформ. Разочарования более чем естественны.

Среди причин обычно называют:

- структурные деформации предшествовавшей эпохи;
- институциональные факторы, пороки русско-советской системы ценностей, недостаток культуры;
- ошибки экономической политики, прежде всего шоковых реформ, слишком быстрого ухода государства из экономики, недоучета ценностно-культурных традиций в том числе.

Не будем сейчас снова входить в обсуждение этих причин. Тем более, что время меняет оценки: то, что кажется ужасным провалом, потом оценивается как естественное следствие прошлого и вполне приемлемый фундамент будущего.

Второй этап трансформации начался после кризиса 1998 г. с оживления в экономике. В 2000 г. ВВП вырос на 9%, опираясь на загрузку наличных мощностей, девальвацию рубля и благо-

приятную внешнеэкономическую конъюнктуру. Этот этап продолжается и поныне при падающих темпах роста. Реформы начала 1990-х гг. явно сыграли свою позитивную роль, поскольку их результатом стало появление довольно сильного рыночного сектора, представленного вполне конкурентоспособными компаниями в самых разных отраслях.

Характерные черты этого этапа таковы.

Во-первых, определилась структура российской экономики и экспорта, складывающаяся под влиянием рыночных сил как таковых. Экспорт энергосырьевой направленности: нефть, газ, черные и цветные металлы, минеральные удобрения, лес с переделами до целлюлозы, а также вооружения. Другой экспорт — либо на рынки СНГ, либо в мизерных количествах. На внутреннем рынке конкурентоспособны продукты сельского хозяйства и пищевой промышленности, отчасти легкой, а также стройматериалы. Что касается автомобилей, пока еще производимых в заметных количествах, то либо они будут вытеснены импортом при даже несущественном росте доходов граждан, либо придут иностранные инвестиции с современными технологиями и мы сумеем преодолеть себя, овладев ими и достигнув нового уровня культуры производства. Телекоммуникации, информатика — с использованием преимущественно зарубежных продуктов и технологий. Остальное пока в тумане.

Во-вторых, монетизация экономики на базе притока иностранной валюты и соответствующего роста денежного предложения при незначительных в целом усилиях по укреплению платежной дисциплины и налогового администрирования привели к быстрому, в течение двух лет, рассасыванию бартера и неплатежей. Они еще есть, но уже в терпимых пределах. Улучшение сбора налогов параллельно с их снижением доказало состоятельность гипотезы Лаффера применительно к сложившимся у нас условиям: доходы бюджета расширенного правительства в 2002 г. превысили 40% ВВП против 32% в 1998 г. Стали сокращаться масштабы оттока капитала.

В-третьих, наряду с этими позитивными сдвигами выяснилось, что за счет внутренних источников без серьезных институциональных изменений “русского чуда” не будет. Темпы роста привязаны в существенной степени к ценам на нефть. Инвестиции, подскочившие было в 2000 г. на 17,7%, в 2002 г. упали по темпам до 2,5%. Половина их вкладывается в ТЭК, межотраслевого перелива капиталов нет, нет фондового рынка, способного осуществлять эту функцию. Если что и есть, то только по инициативе крупных корпораций, преобладающих в российской экономике и получающих основные доходы от экспорта, — русский вариант дзайбацу и чеболи, только пока без их эффективности и без осмысленной государственной структурной политики в том числе по отношению к ним.

Институциональные реформы, провозглашенные в 2000 г. в программе Грефа, продвигаются все медленнее, встречая нарастающее сопротивление, и пока ощутимых результатов не приносят. Может быть, рано делать выводы? А может быть, каждый раз заряд реформ в принимаемом законодательстве оказывается ниже критической массы? Так, антибюрократический закон о сокращении проверок оказался действующим для всех кроме налоговых органов и милиции, для которых он особенно важен.

В-четвертых, вернемся к упомянутым выше четырем пунктам: концентрация собственности и власти, преступность, коррупция, теневая экономика. И здесь также наблюдаются некоторые позитивные сдвиги. Государство при В.В. Путине укрепилось, отдельные крупные компании стали проявлять тягу к прозрачности и завоеванию приличной репутации, к легитимизации собственности ради привлечения инвестиций. Но пока это скорее исключения. Можно сказать, что правоохранительные органы в какой-то мере потеснили преступность на рынке силовых услуг. Теневая экономика отчасти позитивно отреагировала пока только на введение плоской шкалы подоходного налога, дожидаясь дополнительных сигналов. В отношении коррупции — то ли мы стали больше знать о ней, то ли она еще больше возросла, пока сказать трудно.

Вместе с тем надо признать, на этом фронте значимых сдвигов нет. И чем дальше, тем больше становится ясно:

1) что никакого желанного прогресса в нашей стране не будет и модернизация по-настоящему не стронется с места, пока не будет успеха на этих направлениях;

2) что успех в этой сфере обусловлен реальными изменениями в системе ценностей, в неформальных институтах, в культуре.

Можно ли сказать, что это задачи следующего, третьего этапа трансформации? Ясно одно: это дело не правительства, во всяком случае не одного его, а всего общества.

Разработка программы Грефа в 2000 г. начиналась с обсуждения системы ценностей. Инициативу проявил клуб 2015 и персонально В.М. Лопухин. Он опубликовал статью [Лопухин, 2000], из которой следовало, что для экономического роста нужна продуктивная система ценностей, а мы таковой по историческим причинам не обладаем. Протестантам повезло, у них протестантская этика. На одном из семинаров в Центре стратегических разработок (ЦСР) митрополит Кирилл подтвердил, что система протестантских и вообще либеральных ценностей расходится с ценностями православными.

А. Кончаловский свое предисловие к русскому переводу книги Л. Харрисона “Кто процветает?” озаглавил так: “Культура — это судьба”. Так что — нам смириться с судьбой? Признать: что бы мы ни делали — Октябрьскую ли социалистическую революцию, либеральные ли реформы — все равно от нашей постылой судьбы не уйти?

2. Мировой опыт: культура и развитие

Мнения авторитетов относительно неизменности институтов, ценностей, культуры, по крайней мере по отношению к времени человеческой жизни, разделяются. Пожалуй, большинство полагает (М. Вебер, Д. Норт, Ф. Фукуяма, Л. Харрисон, С. Хантингтон) эти категории неизменяемыми или крайне малоподвиж-

ными и в то же время весьма важными, влияющими на многие стороны общественной жизни. Другие (К. Маркс, Р. Инглхарт, Д. Балл) склонны считать изменяющимися в зависимости от тех или иных факторов, например экономических, хотя и с большими запаздываниями.

Лидерство Запада

Я полагаю, что к числу последних относятся преимущественно те исследователи, которые основывали свои выводы на изучении западного общества.

После работ М. Вебера утвердилось представление о продуктивности протестантских ценностей и их важной роли в успехах экономического развития Западной Европы и Северной Америки. Во всяком случае в силу многообразных причин здесь и экономика, и система ценностей оказались более динамичными. Пуританская бережливость, свойственная XVII в., плохо сочетается с нормой “больше зарабатывать и больше тратить”, распространенной сегодня в развитых странах. Но первая, когда это было актуально, способствовала первоначальному накоплению, а вторая сейчас поддерживает рост спроса. Связь с объективными и изменяющимися требованиями экономики очевидна. Р. Инглхарт замечает: “Экономическое развитие, как представляется, действительно связано с синдромом предсказуемого отхода от абсолютных социальных норм в пользу все более рациональных, гибких, пользующихся доверием постмодернистских ценностей” [Инглхарт, 2002, с. 108].

Тем не менее и некая общая основа западной системы либеральных ценностей остается неизменной. Л. Харрисон выделяет четыре фактора культуры, от характера которых зависит общественное развитие: 1) радиус доверия или чувство общности; 2) строгость этической системы; 3) способ реализации власти; 4) отношение к труду, инновациям, бережливости и прибыли [Харрисон, 2002, с. 12]. Продуктивны высокий уровень доверия;

этическая система, обычно связываемая с религией, предпочтительней протестантская, чем католическая; демократия как способ реализации власти; трудолюбие, образование, склонность к инновациям, сбережениям, одобрение прибыли как выражения успеха.

В.М. Лопухин выделяет доверие, ответственность и личность [Лопухин, 2000]. Личность особенно важна, поскольку в западной системе ценностей поощряется индивидуализм, свобода и права человека, тогда как в других этических системах, в том числе православной, антропоцентризм осуждается как противоречащий религиозному мировосприятию. Индивидуализм ассоциируется также с эгоизмом, жестокостью в отношении других, а также с изоляцией среди себе подобных, с одиночеством в толпе, хотя опыт показывает, что независимая личность неплохо совмещается с гуманизмом и высокой степенью солидарности, свобода предполагает социальную ответственность и, собственно, возможна лишь в среде людей, уважающей права себе подобных.

Так или иначе, но западная экономика и западная культура, постоянно подвергаемые критике, в том числе изнутри, уже 400 лет демонстрируют свое превосходство и в обеспечении благосостояния граждан, и в нововведениях, и в создании духовных ценностей.

Плохой пример: Латинская Америка

Либеральной продуктивной культуре, обычно связываемой с протестантской этикой, нередко противопоставляется культура непродуктивная, примеры которой находят зачастую в Латинской Америке.

Аргентинский исследователь Мариано Грондона, обобщая опыт своей многострадальной родины, еще с 30-х гг. XX в. терзаемой экономическими и политическими кризисами, сопоставил отношение этих двух культур к наиболее важным общественным институтам.

Богатство: в продуктивной культуре оценивается как результат личной инициативы и усилий; в непродуктивной — это существующий ресурс, который подлежит распределению, праведно нажить богатство нельзя.

Конкуренция: в продуктивной культуре положительная сила, развивающая стремление к совершенству и росту общественного богатства; в непродуктивной — форма агрессии, угрожающая стабильности и солидарности общества, источник зависти.

Экономическая целесообразность: в продуктивной культуре — бережливость и инвестиции в будущее; в непродуктивной — уравнительное распределение сегодня.

Труд: в продуктивной культуре — общественный долг и главная форма самовыражения, наиболее достойный источник удовлетворения потребностей; в непродуктивной — бремя, неизбежное зло; настоящее удовольствие от жизни лишь вне работы.

Инакомыслие: в продуктивной культуре — важное условие поиска истины и постоянного обновления общества; в непродуктивной — преступление, угрожающее стабильности и единодушию.

Жизнь: в продуктивной культуре — то, что я делаю сам; а в другой — игралище непреодолимых сил (“бог или дьявол, транснациональные компании, мировой заговор марксистов” — пример М. Грондона), люди живут в страхе или пессимизме [Лопухин, 2000].

Л. Харрисон к этому добавляет, что для стран Латинской Америки характерен *низкий уровень доверия, фамилизм* (благородство и доверие распространяются на членов семьи или клана, а за ее пределами — иные правила) и *централизация*, обусловленная необходимостью внешнего социального контроля и подавления *преступности*, процветающей при этом [Харрисон, 2002, с. 12]. Централизация неизменно подавляет творчество, порождает бюрократию, *коррупцию* и теневую экономику, механизмы которых убедительно показаны Эрнандо де Сото [Сото, 2001]. Отметим, с какими обстоятельствами здесь связаны коррупция и преступность.

Обсуждая строгость *этической системы*, Л. Харрисон снова ссылается на пример латиноамериканского католицизма, который в отличие от кальвинизма или иудаизма снисходительно относится к греху, допуская раскаяние, искупление и отпущение [Харрисон, 2002, с. 13].

Он также отмечает, что из всех латиноамериканских стран реальная независимость судопроизводства до последнего времени существовала лишь в Коста-Рике.

Реализация власти: “Традиционно власть в испаноязычной Америке рассматривалась как лицензия, индульгенция. Есть доля истины, правда преувеличенной и чересчур обобщенной, в стереотипе испаноязычного американца, который смотрит на жизнь как на борьбу за власть (дающую мужчине силу); по достижении же власти она должна быть использована в его личных интересах, без какого-либо ограничения со стороны необходимости заботиться о правах других, конституционных барьеров и балансов и даже благоразумия. Тем же, кто находит этот стереотип агрессивным и безосновательным, следует задуматься, почему типичный глава любой латиноамериканской страны сказочно богат, когда покидает свой пост” [Там же].

И далее: “авторитаризм в Латинской Америке — в семье, церкви, школе, государственных учреждениях, бизнесе — также, вероятно, имеет отношение к подавлению желания рисковать, нововведений и предпринимательства за счет неизбежной наказуемости инициативы. Точно так же авторитаризм китайских мандаринов (в том числе Мао) подавлял экономический рост Китая” [Там же, с. 14].

Последнее замечание особенно уместно, чтобы не сложилось впечатление о природной ущербности Латинской Америки. Харрисон пишет об активистах кооперации на Филиппинах, работавших там по международной программе, у которых ничего не получалось, потому что их подопечные не доверяли друг другу и, казалось, способны общаться только в рамках строгой иерархической организации. Они полагали, что это следствие испанского

наследия. Но совсем другие люди в совсем другой стране, немцы в Таиланде, работавшие по аналогичной программе, с разочарованием обнаружили буквально то же самое [Там же, с. 15].

Харрисон считает, что иерархическая картина мира и авторитарная власть, патернализм и социальная жесткость — общая черта развивающихся стран, а также стран Восточной Азии — Японии, Кореи, Тайваня, которые почему-то добились успеха в развитии в отличие от других. Есть основания полагать, что это характерные черты традиционного аграрно-феодалного общества или пережитки его.

Хороший пример: Восточная Азия

Есть нечто общее в иберокатолической культуре, которая выше оценена как непродуктивная, и в восточно-азиатской на тот момент, когда страны Восточной Азии стартовали, начиная с Японии, в своем пути наверх. Это как раз иерархичность социальной организации и авторитаризм. А также закрытость, которую Западу пришлось преодолевать в свое время с применением силы. Это объясняет, хотя бы отчасти, почему Европа и Северная Америка опередили в развитии Китай, удерживавший лидерство, по крайней мере, до XV в.

Дальше начинаются различия.

Во-первых, то, что называют “рисовой культурой”, для которой характерны напряженность, систематичность и тщательность труда как условие выживания. Еще совсем недавно голод постоянно посещал эти многонаселенные страны и семья знала, что лишнего едока ей не прокормить. Отсюда укорененность высокой трудовой морали, привычка все время отдавать труду — конфуцианское трудолюбие.

Во-вторых, общепринятая в этих странах конфуцианская этика предполагает специфические отношения в рамках социальной иерархии, отношения взаимной ответственности. Система Конфуция строится на пяти типах взаимоотношений: 1) отца

(учителя) и сына, уважение к отцу — главное достоинство; 2) начальника и подчиненного — покровительство и покорность; 3) мужа и жены; 4) старшего и младшего братьев; 5) друг к другу. Четыре из пяти взаимоотношений предполагают подчинение. Семья — ячейка доверия, подобно фамилизму в других частях света, но здесь и община, и фирма — тоже семья. И нация, как, например, в Японии, тоже своего рода семья во главе с императором. В Китае родственные связи простираются до пятого колена и до третьей степени родства [Там же, с. 64—65]. Отсюда уровень доверия и общности более высокий, чем, скажем, в Латинской Америке. В первых четырех отношениях старший имеет обязательства перед младшим и только при их исполнении отношение подчинения легитимно. В отношении друг к другу царит правило, известное нам еще из Экклезиаста: не делай другим того, чего сам не хотел бы получить от других. Таким образом, конфуцианская этика не допускает произвола и уже одно это увеличивает радиус доверия.

Она также поощряет образование. Правда, традиционно образование было направлено на укрепление ортодоксальности и обучение наиважнейшему делу — властвованию, отбору в правящую касту. Вместе с тем продвижение по ступеням иерархии обуславливалось прежде всего ученостью и заслугами, а не происхождением, что обеспечивало определенную социальную мобильность.

В иерархии занятий торговля ставилась на последнее место, ниже сельского хозяйства и ремесла, из-за своей связи с наживой, которая оценивалась отрицательно.

Конфуцианство — очень древнее учение. Поэтому сообразно обстоятельствам периода своего зарождения и становления оно проповедовало аристократические, феодальные в широком смысле слова взгляды, презируя хозяйственную деятельность, полагая ее неприемлемой для человека чести. Разве это не похоже на взгляды французского дворянства шпаги накануне революции 1789 г.?

В целом конфуцианство признается опорой авторитаризма, иерархии и ортодоксальности. Поэтому М. Вебер в свое время полагал, что оно будет препятствовать развитию в странах его рас-

пространения [Weber, 1951; Харрисон, 2002, с. 84]. Любая инновация, по его мнению, может угрожать левым доходам конкретного чиновника. В то же время его оценки не столь однозначны: несмотря на формальное предубеждение против торговли, мотив зарабатывания денег очень силен, материальное благосостояние в Китае ценится выше, чем где бы то ни было, возможно, в противовес принятой идеологии. И это встречается везде и довольно часто, если идеология навязывается вопреки реальным устремлениям.

Уже намного позже, когда успех стран Восточной Азии стал очевиден, в конфуцианской культуре исследователи нашли противоречивые течения: “нейтрализуйте те силы, которые подавляют предпринимательство, прежде всего бюрократическую удавку, и обеспечьте престижность предпринимательства — и вы получите критическую массу мотивации успеха, практически идентичную принципам кальвинизма” [Харрисон, 2002, с. 87]. Но чтобы это случилось, нужны были определенные обстоятельства. Во-первых — *вызов*. Вызов со стороны внешних сил породил в Японии революцию Мэйдзи, а затем вызовом стало ее поражение во Второй мировой войне. По традиции национальной солидарности и доверия вызов становится здесь мощной силой.

Во-вторых, сложились благоприятные условия на внешних рынках. Рынки Соединенных Штатов и Европы были открыты, на Западе уже создано много технологий, неизвестных в Японии. Зато была дешевая рабочая сила, оснащенная если не квалификацией, то тщательностью и дисциплиной, готовая учиться осваивать новые технологии. Производство на экспорт стало приносить доходы, которые можно было инвестировать. Так сложилась модель догоняющего развития в ее первом, японском, издании.

В-третьих, Япония уже была индустриальной страной, но у нее еще были серьезные резервы индустриализации. А на этом пути важную роль могли сыграть и сыграли те свойства японской и вообще восточноазиатской культуры, которые касались взаимоотношений в коллективе. Сложился специфический тип японского фирменного управления, который поражал наблюдателей оригинальностью, хотя был перенесением в индустриальную среду

аграрных феодальных отношений, построенных на конфуцианских принципах. И он позволил добиться замечательных успехов в повышении качества и снижении издержек.

Таким образом, успехи Японии в развитии промышленности и торговли, завоевании внешних рынков были достигнуты *не вопреки, а благодаря архаичной культуре*, адаптированной к условиям массового индустриального производства. А то, что в этой культуре мешало развитию, препятствовало целям правительства и бизнеса, то шаг за шагом удалялось или отмирало само. Так удалялись препятствия на пути развития малого бизнеса, работавшего по заказам крупных компаний.

Стоит упомянуть о дополнительных благоприятных факторах — американская оккупация, обеспечившая финансовую стабилизацию по плану Доджа, крупные американские военные заказы во время корейской войны. В самом начале такие импульсы были очень важны.

Соседи имели возможность увидеть плоды японских усилий. Было два варианта — советский, по которому пошел Китай, и японский. Маоистская смесь советского марксизма с конфуцианством оказалась столь непривлекательной, что пришлось отказаться даже от ее внутрикитайского употребления, правда, с учетом традиции уважения старших. Остальные повернулись в сторону японцев: они такие же узкоглазые, как мы, и смогли! Значит, и мы сможем.

Каждый придумывал что-то свое: корейцы — чеболи; Тайвань — малый бизнес при протекции государства; Гонконг — британское судопроизводство с китайским духом.

Китай обязан Дэн Сяопину снятием удавки с крестьянства и с ремесла. Здесь огромную роль сыграла энергия аграрно-индустриального перехода, до завершения которого еще остается немало возможностей. А дальше что?

Это видно опять же на примере Японии. К началу 1990-х гг. модель догоняющего развития на основе индустриализации и с опорой на традиционные ценности исчерпала себя. Дальше, для постиндустриального развития, требовались свобода, индивиду-

ализм, которых в восточноазиатской культуре не было. Те традиции, которые славно послужили японскому чуду прежде, благодаря которым советским командированным фирма “Тойота” представлялась образцовым коммунистическим предприятием, теперь стали тормозом.

Самый известный из живущих ныне японских писателей Харуки Мураками пишет:

“Когда я жил в Японии, я хотел только одного — поскорее убраться отсюда! У меня с ней было столько проблем... Некоторые системы здесь я просто ненавижу” [Мураками, 2002, с. 287];

“Японская экономика достигла в своем развитии потолка — и резко провалилась сама в себя... поколение отцов проиграло, проиграли его экономические приоритеты. Но что особенно грустно — проиграли все японские общественные ценности” [Там же, с.291];

“Еще десять лет назад «Мицубиси» или другие фирмы-гиганты были непоколебимы. Теперь это не так. Особенно в самое последнее время. Молодые люди не доверяют вообще ничему. Они хотят быть свободными. Нынешняя система, общество не принимают таких людей” [Там же, с. 292].

Полагаю, через какое-то время все другие страны Восточной Азии, добившиеся успехов в индустриализации и повышении благосостояния, будут испытывать сходные проблемы. Первый сигнал для них прозвучал в 1997 г., когда разразился азиатский кризис. У Китая и Вьетнама больше времени, но и их возможности роста в рамках модели догоняющего развития также ограничены. Рано или поздно страны, вступающие в постиндустриальную эпоху, должны будут либо пожертвовать традиционными ценностями, особенно авторитаризма, иерархии, персонализации всех отношений, либо начнут отставать.

Поэтому, как ни привлекателен восточноазиатский пример догоняющего развития, для России он не подходит: у нас нет рисово-конфуцианской культуры и обзаводиться ею уже не стоит. Да и не получится.

Хороший пример динамики: Испания

Если говорят о принципиальной неизменности системы ценностей, то пример Испании может служить опровержением, ибо прогресс Испании за последние 40 лет — это в основном результат изменения институтов и культуры.

В 1939 г. закончилась кровавая гражданская война, крайне разрушительная. До 1975 г. страной правил режим Франко, проводивший большую часть этого периода политику автаркии. Подвижки начались в 1953 г. с подписания Мадридского пакта, по которому в обмен на военные базы США предоставили Испании экономическую помощь — 1 млрд. долл. за 10 лет плюс вложили средства в сооружение военной инфраструктуры.

До этого об Испании можно было бы сказать то же, что выше было сказано о Латинской Америке. И сейчас изменилось далеко не все, тем не менее произошедшие изменения колоссальны. Вот что говорят об их причинах.

1. Экономические реформы. К их осуществлению Испанию побудили США и МВФ, их давление побудило к либерализации экономики, девальвации песеты, сокращению бюджетных расходов и привлечению иностранного капитала. Шаг за шагом пошел процесс отказа от автаркии к открытию экономики, интеграции с Европой.

В 1959 г. был принят стабилизационный план. Его выполнение привело к тому, что в 1961—1973 гг. экономика Испании росла со среднегодовым темпом 7%, промышленность — 9%. Начался туристический бум; в 1958 г. было всего 3,5 млн. туристов, в 1978 г. — 54 млн., которые потратили в стране 16,8 млрд. долл., создав 10% ВВП [Харрисон, 2002, с.13]. Помогла девальвация песеты.

Одновременно поток испанских мигрантов потянулся в Германию и Францию. Переводы заработков составили до 25% поступлений от туризма. Еще важней, что эти люди увидели жизнь других стран, более свободных и процветающих.

Иностранные инвестиции уже в 1960-е гг. составили до 20% валовых инвестиций. Из 500 крупнейших компаний в 188 был иностранный капитал. В этих компаниях росло новое поколение испанских менеджеров и специалистов, приобщенных к иной деловой и технологической культуре.

Сократилась доля занятых в сельском хозяйстве: с 50% в 1950 г. до 20% в 1990 г. Индустриализация протекала и здесь: взгляды промышленных рабочих формировались иначе, чем у их крестьянских родителей.

Стоит еще отметить программу стимулирования индивидуальных домовладений: сейчас в них живет более 70% испанских семей, получивших индивидуалистические мотивации.

Стало более равномерным распределение доходов: в год смерти Франко 4% богатых семей контролировали около 30% всех доходов страны. К 1980 г. пропорции изменились: на 10% самых богатых — 24% доходов, примерно как в других странах Европы.

Программа “дисциплинированный налогоплательщик”, не знаю как, но принесла следующие результаты: в 1970 г. подоходный налог платило 300 тыс. физических лиц, в 1982 г. — 6 млн.

Более равномерное распределение доходов стимулирует чувства общности и доверия.

О коррупции? Скажу только об одном мероприятии: был принят закон о презумпции, можно сказать, невиновности авто-владельцев. Свидетельства дорожных полицейских суды перестали принимать во внимание, хотя их зарплата и привилегии значительно увеличились. Итог этой, казалось бы, несправедливой меры — взятки на дорогах исчезли.

2. Модернизация церкви. Церковь в Испании всегда была влиятельной силой и оплотом реакции. На ней в значительной степени лежала вина за отставание Испании. Не случайно в годы гражданской войны республиканцы видели в церковниках врагов и убивали их тысячами.

Но к 1970 г. уже в тюрьмах Франко сидело 187 священников, большей частью басков. Церковь стала “леветь”.

Это общее движение. Католицизм искал способы удержать позиции в меняющемся мире, в частности посредством защиты бедных, участия в рабочем движении, проведения в храмах популярных мероприятий для молодежи.

Второй Ватиканский собор (1962—1965 гг.) поддержал отделение церкви от государства, стремясь отдалить ее от власти и сделать независимым оплотом нравственности и социальной ответственности. Папа Иоанн XXIII призвал к социальному миру и справедливости. С 1971 г. кардиналом Испании стал Энрике Тарракона, ставший затем одним из лидеров в процессе демократизации.

В 1981 г. были легализованы разводы, а в 1985 г. — разрешены аборт: шаги для католической церкви ранее немыслимые. Влияние религии все больше обращалось на осовременивание системы ценностей.

3. Демократизация. Это, пожалуй, был один из самых значимых процессов. Конечно, после Франко диктаторский режим должен был трансформироваться, особенно учитывая демократическое окружение Испании. Тем не менее позиции консерваторов и военных были очень сильны. От нового короля Хуана Карлоса ожидали, скорее, продолжения курса. На пост премьера он назначил Адольфо Суареса, имевшего репутацию реакционера.

Но через три месяца Суарес провел закон о политической реформе. Были легализованы социалистическая и коммунистическая партии, профсоюзы. Введено право на забастовку. В июне 1977 г. проведены первые свободные выборы. Партия Суареса “Союз демократического центра” до абсолютного большинства недобрала считанные голоса, но он не пошел на коалицию. В трудной экономической ситуации в октябре 1977 г. он предложил всем партиям подписать соглашение о совместных действиях — знаменитый *пакт Монклоа*, который с тех пор стал примером решения острых экономических проблем не властными принудительными методами, а на основе социального консенсуса. Пакт предусматривал потолок по зарплате, по кредитам, по

бюджетным расходам. Бремя выхода из кризиса явно ложилось в основном на трудящихся. Но социалисты и коммунисты подписали его, пакт сработал.

В конце 1978 г. была принята новая конституция, самая либеральная в Европе. Нет государственной официальной религии, монархия даже не конституционная, а парламентская, отмена смертной казни, ограничение роли военных, традиционно очень важной.

В феврале 1981 г. молодая испанская демократия выдержала самое серьезное испытание — попытку военного переворота. Король, на которого смотрела вся страна, без колебаний отправил солдат в казармы, показал себя подлинным гарантом демократии.

Еще одно испытание — победа соцпартии на выборах 1982 г., тех социалистов, которые всегда декларировали свою приверженность республике 1936 г. и непримиримость к франкистам. На генералах шерсть встала дыбом. Но обошлось, лидер социалистов Фелипе Гонсалес специально обратился к военным, убеждая их в своей умеренности. Вскоре он согласился вступить в НАТО, а в 1985 г. Испания стала членом ЕС.

Демократическое развитие Испании, публичное, без всяких подковерных маневров, стало одним из главных, а может быть, и главным фактором трансформации системы ценностей испанцев. Они, как и мы издавна, были свидетелями всех этих событий. И события меняли их сознание.

4. Свобода слова. Еще до смерти Франко появились независимые издания — католическая “Йа”, журнал “Куадернос пара эль диалого”, вечерняя газета “Мадрид”. Позднее появилась леволиберальная “Эль Паис” — ныне самая популярная газета в Испании, журналы “Камбио-16” и “Тьемпо”. Независимость СМИ, исключение всякого контроля со стороны правительства ни разу не ставились под сомнение. Они вместе с ТВ оказывали все более серьезное влияние на формирование общественного мнения.

5. Военная реформа. Главное — исключить вмешательство военных в политику, традиционное *pronunciamento*; далее — существенно сократить военную юрисдикцию, модернизировать системы жалований и выплат, ввести стандарты НАТО. Все это было сделано под руководством военного министра в правительстве Суареса, генерала Гутьерреса Мелладо. Старой гвардией Франко он был заклеямен страшным именем “либерал”. Сам он по этому поводу сказал: “Ничего не имею против... Я считаю, что все мы должны стремиться к новым, лучшим горизонтам, не ограничивая себя *преходящими идеями и институтами*, которые уже отодвинуты в прошлое реальностью юной, беспокойной, энергичной Испании” [Там же, с. 60].

Генерал Мелладо был последним военным на этом посту. Следующим военным министром было назначено гражданское лицо.

6. Реформа образования. Был внедрен, в частности, единый механизм тестирования перед поступлением в университеты, типа нашего нынешнего единого государственного экзамена, который и сейчас еще вызывает ожесточенные споры. В Испании он с успехом применяется более двух десятилетий.

7. Дух лидерства. Л. Харрисон подробно обсуждает эту проблему [Harrison, 1985]. В стране, меняющей системы ценностей, должны быть сильные интеллектуальные и нравственные лидеры. Еще в начале XX в. замечательные испанские писатели и философы, большие патриоты своей страны Ортега-и-Гассет, де Мадарьяга, Диас Плаха подвергли состояние испанского общества глубокому критическому анализу, они возглавили крестовый поход за перемены в национальной культуре.

Х. Ортега-и-Гассет писал: “Любое занятие, к которому мы прибегаем по необходимости, болезненно для нас. Оно принижает нашу жизнь, ранит ее, рвет на части... Человек, занимающийся каким-либо трудом, делает это в надежде, что труд обеспечит ему освобождение, что однажды он прекратит работать и, наконец, начнет жить” [Харрисон, 2002, с. 45].

Эти люди среди образованных испанцев, переживших ужасы гражданской войны и диктатуру Франко, стали подлинными моральными авторитетами именно потому, что имели мужество говорить правду о слабостях своего народа.

Настоящим лидером нации стал король Хуан Карлос. Не вмешиваясь в повседневную политику, он сыграл огромную роль в становлении испанской демократии, в том, что военные были поставлены на место. В Испании не принято шутить по поводу короля. И надо понять, это не традиционная склонность к авторитаризму, она-то как раз способствует анекдотам. Это заслуженный авторитет, способствующий общности нации, элемент ее уважения к самой себе.

Вряд ли можно сказать, что Испания переменялась вовсе. В 1984 г. во время опроса по программе WVS (всемирный обзор ценностей) 50% испанцев посчитали, что капитализм нелегитимен и неэффективен. В 1981 г. большинство высказалось за участие трудящихся в управлении предприятиями наряду с собственниками и менеджерами. Сиеста, как и всегда, остается живым обычаем: работают с 9 до 13 часов и с 16 до 20. Час пик — в 11 часов вечера.

И все же это теперь другая страна, с преобладанием новых ценностей. И результаты налицо — в 1999 г. душевой валовой национальный доход составил в Испании 17850 долл. против аналогичных показателей: в Аргентине — 11940 долл., в Мексике — 8870 долл., в Бразилии — 6840 долл. В 1950-е гг. Испания была по уровню развития близка к этим странам. А сегодня она на одном уровне с Южной Кореей и Новой Зеландией [WDI, 2001, p. 12—14].

Цивилизация и развитие

А. Тойнби определяет цивилизацию как общность стран и народов, объединенных общей культурой ценностями, институтами [Тойнби, 2002]. Довольно расплывчатое, но верное определение. Рост цивилизации — результат ответов на вызовы. Вызовы

создают напряжение, необходимое для развития. Упадок — от неспособности ответить на вызовы и от внутренних противоречий.

Большинство нынешних цивилизаций обнаруживают связь с традиционными религиозными конфессиями.

В табл. 1 представлены три варианта выделения современных цивилизаций, построенных виднейшими современными исследователями: С. Шварцем (1990); Г. Хофстедом (1988); Р. Инглхартом (2000) посредством статистического анализа.

Таблица 1. Современные цивилизации

По С. Шварцу	По Г. Хофстеду	По Р. Ингларту
Западно-европейская Англоязычная Восточно-европейская Исламская Восточно-азиатская Латиноамериканская	Нордическая Англоязычная Германская Ближневосточная Развивающаяся Азия Развитая Азия (Япония) Развивающаяся Латинская Америка Развитая Латинская Америка	Протестантская Англоязычная Католическая Европа Восточная Европа (посткоммунистическая и православная) Конфуцианская Южная Азия Африка

А. Тойнби выделял еще российскую православную цивилизацию, видя в ней важные особенности в сравнении с другими странами Восточной Европы.

Вопросы, которые будут нас интересовать, таковы:

1) действительно ли имеется связь между культурно-ценностными различиями цивилизаций и их экономическим развитием;

2) насколько подвижны культурно-ценностные особенности цивилизаций и в какой мере они могут быть непреодолимым препятствием для развития. Или, напротив, им не следует придавать особого значения, просто учитывать, что под влиянием изменений в экономике и иных областях они сами собой будут меняться, хотя и с запаздыванием.

Пытаясь ответить на эти вопросы, мы вступаем на довольно зыбкую почву. Суть в том, что реальное влияние ценности оказывают на поступки, действия, которые наблюдаются как результат множества факторов, так что вычленив влияние ценностей на них непосредственным наблюдением затруднительно. Возможно лишь при опросах назвать слова, обозначающие ценности или сформулировать утверждения, выбирая которые опрашиваемые выявят свои предпочтения. Таким образом можно косвенно определить предпочтительные ценности и, уже опираясь на полученные данные, связи между ценностями данной цивилизации и ее развитием. Понятно, что полученные при этом выводы требуют осторожности.

Один из важных аналитических приемов, непривычных для экономистов, — построение систем координат, в которых оси — некоторые противостоящие понятия, отражающие совокупность близких по смыслу ценностей или ценностных суждений. В такой системе координат уже можно определить позиции той или иной цивилизации или страны в сравнении с другими.

Р. Инглхарт представляет [Inglehart, 1997, p. 334—355] Всемирный обзор ценностей (World Values Survey), который проводится уже 25 лет и ныне охватывает 75 стран, где проживает 85% населения Земли [The Economist. 2003, January 4th, p. 19—20]. В этом обзоре используется система координат описанного выше типа, в которой располагаются страны (см. рис. 1). Ось X “выживание — самовыражение”. Ценности *выживания* — экономическая и физическая безопасность, материальные ценности, нетерпимость к инакомыслию, ксенофобия, низкая оценка свободы и прав человека, готовность принять авторитаризм, покорность, склонность к вере во всемогущество науки и техники. *Самовыражение*, напротив, предполагает высокие оценки личности, свободы, прав человека, нематериальных ценностей, успеха, озабоченность экономией, равенством полов. На рис. 1 видно, что к полюсу выживания близки посткоммунистические восточноевропейские, а также страны Азии и Африки, а к полюсу самовы-

ражения — Западная Европа и англоязычные страны. Важно отметить, что здесь явная связь с уровнем развития и благосостояния: линии на рис. 1, идущие сверху слева — вниз и направо разделяют множество стран по уровню ВВП на душу населения. При всей условности мы видим, что ценности выживания ближе бедным, а самовыражения — богатым. Последние для экономического развития явно позитивный, содействующий фактор.

Другая ось “традиции — секулярно-рациональные ценности”. *Традиционные* ценности — религия, семья, страна; почтение к власти, абсолютные стандарты, социальный конформизм; согласие предпочтительней открытых политических конфликтов. *Секулярно-рациональные* ценности — рациональное поведение, достижение успеха; предпочтение светского государства, низкая роль религии.

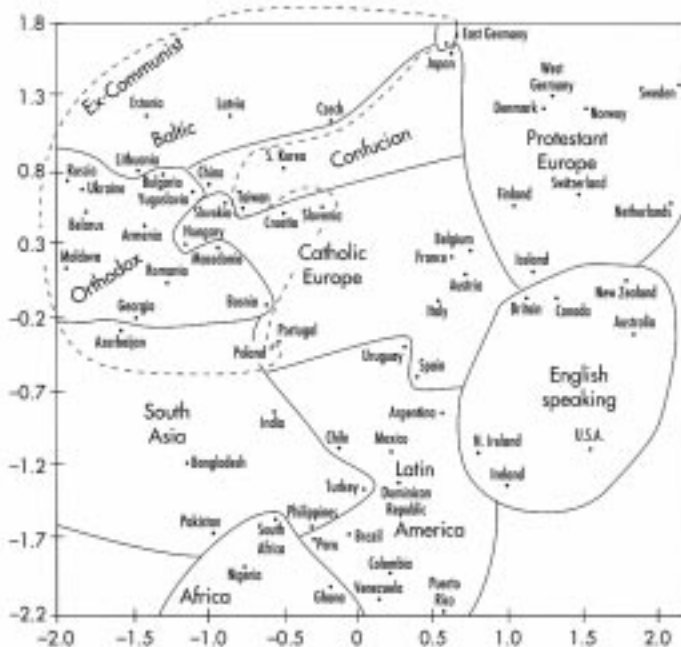

Рис. 1. Страны в системе координат Всемирного обзора ценностей [Инглхарт, 2002, с. 113]

На рис. 1 видно, что Россия, будучи по ценностям близкой к полюсу выживания, в то же время весьма рационалистична, как Германия, Норвегия и Дания. Интересно, что США и другие англоязычные страны, кроме Британии и Новой Зеландии, отвержены традиционным ценностям в той же степени, что Индия и бывшие закавказские республики СССР. Отчасти это можно объяснить тем, что традиции в США более рационалистичны, коррелируют с ценностями самовыражения. Но при этом возникает сомнение именно в таком методе шкалирования ценностей. Очевидно, что традиции в Африке, Азии и Латинской Америке, скорее, противодействуют развитию экономики, а в США — нет. Здесь они, скорее, становятся постматериальными ценностями, результатом достигнутого благосостояния.

Другой подход представлен исследованиями С. Шварца. Основываясь на ценностях, выявленных при анализе религиозных и философских трудов разных культур, С. Шварц сгруппировал их в блоки по типам мотиваций и представил в виде полюсов на трех осях: 1) консерватизм — автономия; 2) иерархия — равноправие; 3) мастерство — гармония. Чтобы понять смысл, нужны разъяснения.

Консерватизм — поле таких ценностей, как безопасность, конформизм, традиции; личность рассматривается как принадлежащая группе (коллективизм). Ценится социальный порядок.

Автономия — в центре внимания личность, стремящаяся выразить свои внутренние качества и поощряемая к этому. Различается автономия интеллектуальная (независимость, открытость ума, изобретательность) и аффективная — стремления к удовольствиям, гедонизм. У Хофстеда автономию заменяет индивидуализм. Казалось бы, естественно противопоставление “коллективизм-индивидуализм”, но это, видимо, в российском сознании, у авторов — иначе.

Иерархия — предполагает высокую оценку социальной ответственности, достигаемой человеком через иерархическую систему ролевых предписаний; подчинение старшим по иерархии и

исполнение обязанностей, соответствующих правилам и позиции в иерархии; санкции за неподчинение, иерархия легитимизирует неравенство в распределении власти и богатства.

Равноправие — рассматривает всех индивидов как равных перед моралью и законами, устанавливаемых с общего согласия. Социальная ответственность достигается через преодоление эгоизма, признание прав других, усвоение общих представлений о справедливости, свободе, равенстве, честности и долге. Для России важно подчеркнуть различие между равенством в распределении и равенством в правах, поскольку в иных культурах легитимизируется только равенство прав и возможностей. Поэтому для нас противопоставление иерархии и равноправия, допускающего неравенство в распределении, может представляться искусственным.

Мастерство — в понимании С.Шварца не просто высокая оценка профессионализма и умения, но и активное стремление к изменениям в своих и общих интересах (амбиции, успех, смелость, достижительность).

Гармония — восприятие мира таким, каков он есть, стремление скорее сохранить, чем переделать сущее (единство с природой, высокая оценка прекрасного).

Вопросник с названиями 57 ценностей распространялся среди учителей и студентов в 54 странах, включая 10 стран бывшего советского блока.

Выводы этого исследования таковы: страны, где оценки автономии, равноправия, мастерства наиболее высоки, являются и наиболее развитыми, чего и следовало ожидать. Напротив, страны с преобладающими ценностями консерватизма, иерархии и гармонии — большей частью бедные, их развитие сталкивается с трудностями.

Таким образом, *связь между ценностями и развитием экономики по итогам этих и иных исследований можно считать доказанной*, хотя не всегда ясно, что причина, а что следствие; вероятней всего, как причиной, так и следствием может быть и то, и другое.

В Восточной Европе, как показало в 1992—1994 гг. исследование С. Шварца и А. Барди [Schwartz, Bardi, 1997], ценности иерархии и консерватизма важнее, чем в Западной. Это было объяснено наследием коммунизма, включая, в частности, тесноту проживания, способствующую иерархии, или обострение проблем безопасности личности и имущества в переходный период. Эти ценности также сильнее в православных странах.

Что касается подвижности культурно-ценностных различий, то указанные исследования, обнаруживая достаточно заметные изменения, например, в Испании или в Восточной Азии (в отношении предпринимательства при сохранении там традиционной культуры и позитивной ее роли в развитии), других убедительных примеров догоняющего развития именно ценностей, пожалуй, не нашли.

Подведем итог нашему обзору.

1. Несомненно, продуктивная система ценностей — преимущество Запада. Хотя нельзя утверждать, является она причиной его процветания или его результатом, или же имел место процесс плодотворного взаимодействия. Иметь систему либеральных ценностей, подобную западной, было бы неплохо и для России, хотя существуют заметные различия в культуре.

2. Традиционная российская культура, скорее, имеет много общего с латиноамериканской, в особенности в том, что касается радиуса доверия, распоряжения властью, отношения к предпринимательству и труду. Но есть важные отличия, дающие нам дополнительные шансы. Об этом разговор впереди.

3. Хороший опыт Восточной Азии нам, к сожалению, не подходит. Во-первых, там успех опирается на традиционные ценности (трудолюбие и дисциплину), которые у нас не столь уважаемы. Во-вторых, они крайне важны в фазе индустриализации, которая завершается у них и уже давно закончилась у нас. У нас задача модернизации переиндустриализированной экономики и постиндустриального развития.

4. Опыт Испании особенно полезен для нас тем, что он показывает возможность трансформации системы ценностей в сторону повышения ее продуктивности под влиянием экономических реформ и демократизации.

3. Ценности и экономическое развитие России

На встрече Нового 2001 г. члены клуба “2015” в хорошем настроении — им удалось продвинуть в общественное сознание важность ценностей — распевали песенку на мотив “С чего начинается Родина...”:

С чего начинаются ценности?

С того, что кончается газ...

Газ еще есть, но уже понятна альтернатива: либо Россия будет жить как сейчас, на эксплуатации природных ресурсов и с нынешней системой ценностей и неформальных институтов, и тогда ее ждет примерно та же судьба, что и Латинскую Америку; либо шаг за шагом система ценностей изменится, и тогда удастся изжить такие социальные язвы, как коррупция, злоупотребление властью, теневая экономика, а стало быть, построить эффективную постиндустриальную экономику. На третьем этапе российской трансформации, который уже маячит на горизонте, ценности действительно приобретают важнейшее значение.

Как же с этим обстоит дело у нас?

Прежде всего, три замечания о принятом здесь подходе к изучению ценностей. *Во-первых*, ценности, реализуемые через наблюдаемые тенденции развития экономики и общества, отражают мотивации людей, а также и ограничения, этические и правовые, регулирующие выбор тех или иных способов реализации мотиваций. Мотиваций не так много — голод, страх, любовь, богатство, власть. Ценности-ограничения образуют своего рода социальные фильтры, отделяющие приемлемое и полезное с точки зрения общества от прочего.

Во-вторых, есть ценности и антиценности, пороки. Последние осуждаются и отвергаются как неприемлемые. Это как бы грубое деление. Более тонкое можно связать с жесткостью предъявляемых ограничений: жесткие — в отношении важных ценностей, мягкие — ценностей не столь важных, прегрешения против которых прощительны, люди и общество попустительствуют своим слабостям. Образуется своего рода шкала — от самых главных ценностей к порокам, на которой жизнь наносит метки, характерные для определенной культуры.

И что очень существенно: важные, принципиальные ценности, помещаемые в начале шкалы, оказываются связанными с прощительными слабостями. Последние, как недостатки, являющиеся продолжением наших достоинств, для экономики отнюдь не безразличны. Так, можно высоко ценить щедрость, бескорыстие, но тогда приходится оказывать снисходительность лени, расточительству и т.п.

В-третьих, влияние ценностей и их изменений на реальное поведение людей, как отмечалось, обычно напрямую оценить невозможно. Мнения о ценностях, получаемые через опросы и являющиеся главным источником информации о них, зачастую искажают действительную картину либо из-за смещения субъективных оценок, либо под влиянием преходящих событий, повышающих значимость тех или иных ценностей в данный момент. Поэтому нередко фиксируемые опросами позитивные сдвиги в системе ценностей не согласуются с реальными переменами. Последние, по крайней мере как можно предположить, запаздывают. Специалисты хорошо знают о подобных эффектах, стараясь свести к минимуму ошибки. Но это должны понимать и те, кто пользуется результатами их исследований.

Три источника, три составные части российских ценностей

В XX в. Россия претерпела два глубочайших катаклизма, образовавших своеобразные разрывы непрерывности в ее историческом развитии. Поэтому неудивительно, что нынешняя

российская система ценностей неоднородна и противоречива. Сегодня она к тому же отражает не только неизбежные исторические напластования, но и конфликтность переходного периода.

Три наши государственных символа как бы олицетворяют ее основные источники и составные части: двуглавый орел от Палеологов — символ старинных русских традиций, низвергнутых социалистической революцией и воспрявших духом после революции демократической с надеждой на возрождение; советский гимн — воплощение недавнего прошлого, вызывающего у многих ностальгию из-за сложностей реформ; трехцветный флаг, который с августа 1991 г. стал символом новой демократической России. Этот трехслойный пирог связывают с преемственностью разных этапов развития российской государственности, с отражением сочетания самобытной культуры и новой энергетики. Но, возможно, это гремячая смесь, способная создавать препятствия для развития страны. Постараемся разобраться в этом.

Традиционные русские ценности

В процессе анализа многообразных литературных источников [Шкаратан, Карачаровский, 2002; Касьянова, 1994; Лебедева, 2000, 2002; Лапин, 2002; Солженицын, 1998; Павлов, 1991; Лосский, 1991] из упоминаемых в них традиционных российских ценностей много было отобрано 10 наиболее важных для экономики. Они сопоставлены антиподами-слабостями, к которым русская культура относится снисходительно. Такой подход представляется конструктивным с точки зрения оценки продуктивности системы ценностей. Соответствующие понятия и суждения приведены в первом и втором столбцах табл. 2. В третьем столбце содержатся примечания, большей частью указывающие на специфические факторы, способствовавшие закреплению той или иной ценности.

Таблица 2. Традиционные русские ценности и их антиподы

Ценности	Оборотная сторона	Примечания
Духовность, “не хлебом единым”	Противопоставление материальным интересам	
Коллективизм, стремление к совместной работе, артельность	Подавление личности, авторитаризм	В примитивных и традиционных обществах всегда силен коллективизм. Индивидуализм — достояние урбанизированного общества с развитыми рыночными отношениями
Самопожертвование	Покорность власти, долготерпение. Пренебрежение власти к человеческой жизни	Ценность традиционного общества (см. коллективизм)
Соборность: против безличного коллективизма и своеволия индивидуализма. Сильное государство	Опасность мессианства, возможность превознесения государства как воплощения “всех”	Идея “каждый за всех” в противовес “каждый за себя” приводит к апологии государства (И. Клямкин)
Успех достигается натиском и удачей. “Недостижимость” = аскриптивность. Склонность к чрезвычайным усилиям, не считаясь с затратами	Ожидание чуда. Отсутствие склонности к кропотливой, систематической работе	Климатические условия: рваный ритм, чрезмерные, но краткосрочные напряжения (В. Ключевский)
Труд — в удовольствие, для радости творчества	Труд ради хлеба насущного, за оплату — наказание за грехи. Прибыль предосудительна. Лень, бездеятельность, неорганизованность	Свойства подневольного труда
Размах, ширина, склонность к масштабным делам	Небрежность, беспечность, неразвитость “средней области культуры”. “Авось, небось и как-нибудь”	Средняя область культуры — между домом (семьей) и государственными делами (Н. Лосский)
Нестязательство: богатство — грех, бедность — добродетель, щедрость, бескорыстие, душевность	Слабость стимулов к труду, бережливости, предпринимательству	Связь с примитивным рыночным хозяйством и феодалным патернализмом
Справедливость. Важность внесудебной “рассеянной санкции”	Справедливость важнее закона. Распространенность неформальных отношений	Справедливость чаще трактуется как уравнильность. Следствие бедности
Эмоциональность. Нестандартность, оригинальность		

Духовность — одна из наиболее часто упоминающихся ценностей российской культуры. Обычно понимается как превосходство духовных ценностей над материальными: не хлебом единым жив человек. Особенно ясно это понятие с точки зрения религии — стремление к стяжанию Духа Святого. Но это не только религиозное понятие, за ее пределами духовные запросы обозначают интерес к литературе, искусству, общественным делам, к переживанию эмоций, выходящих за рамки материальных интересов. Духовность может быть продуктивной: творческое вдохновение изобретателя, ученого, художника — это духовность. Но противопоставление духовности материальным интересам, русской духовности западному материализму вряд ли оправданно.

Коллективизм понимается по-разному: как стремление к совместной работе, способность к сотрудничеству — cooperative man, как говорят на Западе. Весьма продуктивная ценность. Русский традиционный вариант — артельность.

Но это также может сопровождаться подчинением личности коллективу, отказом от своих прав, реально — в пользу лидера, ибо коллектива без лидера не бывает. Поэтому обратная сторона коллективизма — авторитаризм (А. Ахиезер) и безответственность: лидер объединяет права и ответственность членов, член коллектива уже не личность. Мы видим подобные явления и в нашей истории, и в сегодняшней жизни.

Зачастую коллективизм русских объясняют суровыми природными условиями, с которыми человек не может справиться в одиночку. Но изначально, при низком уровне развития, любые природные условия тяжелы. Поэтому в примитивных обществах всюду коллективизм. Индивидуализм, как противоположность, может возобладать только в достаточно развитом обществе, с иным, не внутриобщинным типом связей, каковым являются рыночные отношения.

Коллективизм может также быть инструментом социального контроля со стороны государства, как русская сельская община обязывалась круговой порукой по взысканию податей.

Самопожертвование, жертвенность — принесение своих интересов или даже жизни в жертву общим интересам — коллектива, общины, государства. Подчинение частного общему. Почитатели этой ценности обращают внимание на то, какую роль это качество сыграло в отечественной истории. Иван Сусанин, Александр Матросов, массовый героизм во время отечественных войн.

Конечно, память героев священна и не позволяет сказать что-то критическое. Но все же лучше, если не надо героизма и самопожертвования, когда ценность человеческой личности заставляет искать решения, исключаяющие необходимость жертв. К тому же самопожертвование — это покорность власти, это долготерпение, которые позволяют ей не считаться с личностью, игнорировать или узурпировать ее права.

Самопожертвование — ценность преимущественно традиционного общества с иерархической социальной структурой, где жертвовать собой ради сеньора или барина — долг вассала или холопа.

Соборность — одна из самых почитаемых русских ценностей, наряду с духовностью чаще других упоминаемая как национальная особенность. Что же это такое? В. Чаплин полагает, что это патернализм, другие считают, что согласие в коллективе и в обществе на основе консенсуса — принцип, применяемый в крупных японских компаниях, чтобы добиться разделения ее целей всеми сотрудниками.

Соборность не противостоит личности, она ее укрепляет. Она противостоит безличному коллективизму и своеволию индивидуализма.

Н. Бердяев: “Соборность — внутренний, конкретный универсализм личности, а не отчуждение совести в какой либо внешний (коллектив. — *Е.Я.*) Соборность мне более всего близка в чувстве общей вины, ответственности за всех” (цит. по [Аксюциц, 1997, с. 244]).

В. Аксюциц: “Подлинная соборность есть свободное, братское, любовное соединение абсолютных личностей”. Полноценная личность достигает полной индивидуальной свободы и неповторимости в свободной обращенности и любви ко всем личностям [Там же, с. 245].

Я несколько теряюсь, читая такие пафосные тексты. Но если попытаться слегка приземлить подобные формулировки, то их можно трактовать так: личности, объединенные в некое сообщество себе подобных, уважают не только свои права, но и права других. Поэтому они стараются добиваться своих целей, реализовывать свои интересы, не нанося ущерб собратьям, во всяком случае, не нарушая общепринятых норм. Они стремятся также к тому, чтобы эти нормы были разумны, чтобы все сообщество процветало, и поэтому склонны уделять время общественным делам в своих же интересах.

В таком определении мы имеем дело ни с чем иным, как с гражданским обществом, явно либеральной ценностью. Расширение пределов этого определения превращает соборность в некую мечту, утопию типа марксистского слогана “Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех”. Мы видели, во что превращается эта мечта при попытке реализовать ее на практике¹.

А что здесь специфически русского, кроме слова? Общая вина, ответственность за всех, миссия России спасти человечество, “русская идея” по Ф.М. Достоевскому?

И.М. Клямкин считает, что формула “каждый за всех” — это формула перманентной войны, используемая для организации мирной жизни в “осажденной крепости”. Ее перевод с религиозного языка (мое спасение в спасении всех) на светский (подчинение личных интересов общественным) означает подчинение “обожественному российскому государству, которое и есть воплощение всех. Что получается, если христианская идея

¹ В 1930-е гг. Н. Бердяев отошел от своих взглядов поры увлечения евразийством, учтя, видимо, уроки фашистских диктатур в Италии и Германии, он отказался от соборного принципа “человека для...”. “Государство существует для человека, — писал он, — а не человек для государства” [Бердяев, 1990, с. 125]. “Человек, человеческая личность есть верховная ценность, а не общности, не коллективные реальности как общество, нация, государство, цивилизация, церковь” [Там же, с. 26].

индивидуального спасения заменяется идеей «спасения всех»? Получаются самодержавие, крепостничество, несвобода и бесправие личности, поверхностная имитационная религиозность и неразвитость трудовой морали”. И далее: “российский государственный и общественный быт — не отклонение от «русской идеи», а ее вполне последовательное и адекватное воплощение” [Западники и националисты, 2003].

Так или иначе, но представляется достаточно ясным, что соборность — вполне продуктивная ценность, если она останавливается на идее гражданского общества. Она становится контрпродуктивной, когда словами о вселенской любви и заботе обо всех прикрывается подавление личности в интересах государства.

Заметим, что *сильное государство* весьма часто рассматривается как самостоятельная традиционная ценность. Нетрудно видеть, что упомянутые ценности взаимосвязаны и как бы сливаются в один блок, который можно назвать *этатизмом*, произраставшим на почве свойственной России в течение многих веков иерархической социальной структуры, феодализма в русском исполнении.

Другой блок — *отношение к труду и успеху. Успех достигается натиском и удачей*, но не усердием. “Натиск, налет — это талант в нашем понимании”, отмечал И.П. Павлов. Кроме того, *склонность к чрезвычайным усилиям* — выкладываться, “гнать до предела, не считаясь ни с какими условиями” [Павлов, 1991]. Обратная сторона — ожидание чуда. Недаром на Руси были популярны крестные ходы и моления о дожде и урожае [Русские, 1999].

Многие авторы, в противовес свойственной протестантской культуре “достижительности”, нацеленности на успех, отмечают “недостижительность” как свойство русских, их равнодушные к успеху. Это трудно назвать ценностью и тем более продуктивной. С ней можно сопоставить духовность, безразличие к материальным благам. Но мы преднамеренно начали со способов достижения успеха, чтобы показать, что и у нас он высоко ценится.

В. Чеснокова считает, что надо говорить не о недостижимости, но об *аскриптивности* [Западники и националисты, 2003]. В ее толковании это своего рода совесть, нежелание толкаться, рекламировать самого себя, ожидание признания со стороны других. В пример она приводит Сергия Радонежского, который в ответ на сомнения своего брата в его лидерстве покинул обитель, уйдя в пустынь близ Киржача, и вернулся лишь тогда, когда братия умолила его принять сан игумена. Это как бы альтернатива западной практике самовыдвижения и саморекламы.

Но одновременно ценится быть “первым при раздаче”, тоже своего рода удача, “маза”, которую надо успеть урвать [Шкаратан, Карачаровский, 2002, с. 39]. Это прямое следствие преобладания иерархической системы распределения, “сдачи-раздачи” [Нурев, 2001, с. 113—117] при неразвитости рыночных отношений.

Труд — удовольствие, творчество, радость мастера. Если нет, то, скорее, — в соответствии с византийским канонам, — наказание за грехи. Именно таков труд ради хлеба насущного. Труд же ради извлечения прибыли — это нечто предосудительное. Обратная сторона — лень, бездеятельность, неорганизованность. Истоки этих качеств видят в геополитических условиях и в социальном устройстве.

Приведу знаменитое высказывание В.О. Ключевского, всегда упоминаемое при обсуждении русского характера: “В одном уверен великоросс — что надобно дорожить ясным летним днем, что природа отпускает мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет еще укорачиваться безвременным неожиданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много за короткое время и впору убраться с поля... Так великоросс приучился к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время; но нигде в Европе, кажет-

ся, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии” [Ключевский, 1956, с. 313—314].

На климатический фактор опять накладывается иерархическая социальная структура. Труд в радость — когда на себя, но если нет, то обычно это труд подневольный. Лень, бездеятельность, неорганизованность — это качества раба, крепостного, холопа.

Размах, широта, склонность к масштабным делам. Отсюда многие достижения российской экономики, государственности и культуры. Здесь важную роль сыграли огромные территории, возможность экспансии, которая на востоке почти не встречала сопротивления, природные богатства. Экспансия разрешала внутренние противоречия, подобно тому как древние греки (кроме Афин) занимались колонизацией, когда стало не хватать хлеба [Тойнби, 2002, с. 133—134].

Оборотная сторона — небрежность, беспечность, безалаберность, неэкономность, безразличие к тому, что Н.О. Лосский называл “средней областью культуры”. “Русский народ, — писал он, — до сих пор не овладел грандиозной территорией своего государства... очень мало позаботился... об удобствах для удовлетворения повседневных нужд... Бедность, угнетающая русский народ... есть следствие многих условий, длительного крепостного права, общинного строя крестьян, малого плодородия почвы во многих губерниях, большой затраты сил государства на защиту от внешних врагов и т.д. Но, кроме перечисленных условий, бедность в значительной степени есть следствие малого интереса народа к материальной культуре. Вспомним о духовности и соборности. Беспечность русского народа выражается в нередко слышимых «авось», «небось», «ничего»” [Лосский, 1991, с. 56].

Средняя область культуры — это та часть жизненного пространства, которая начинается за порогом собственного дома и заканчивается там, где начинает проявляться “государево дело” [Шкаратан, Карачаровский, 2002, с. 41].

Область малых дел — если хотите, малого бизнеса. Особенно благоустройство, уборка мусора и т.п., задачи местного самоуправления. Здесь мы традиционно слабы. Вспомним, в средневековых европейских городах помои тоже выливали на улицу. Но там было очень тесно и до граждан скорей дошла мысль, что “так жить нельзя”. А на русских просторах еще долго продолжали жить как придется.

Нестяжательство. Богатство — грех, бедность — добродетель. Одновременно ценятся щедрость, бескорыстие, душевность как готовность сопереживать и помогать ближнему. Помимо влияния православия с его проповедью аскетичности и ухода от мирской суеты, здесь также сказываются и традиционные социальные порядки. Жизнь от земли, продуктов своего труда, не на зарплату, при широких просторах и природных богатствах позволяет щедрость. Нестяжательство, добродетельная бедность помогают жить под гнетом, оправдывают его, когда бóльшую часть труда приходится отдавать господам. И способствуют долготерпению по отношению к гнету и произволу.

Но отсюда же бездеятельность, леность, беспечность. Господа, забрав продукт, должны быть отцами своим подопечным. Патернализм — их обязанность в социальной иерархии.

Нестяжательство — ценность непродуктивная, оно подрывает стимулы к труду и бережливости, к предприимчивости, ограничивает потребности.

Конечно, оно ограничивает жадность и зависть, облагораживает нравы. Но процветанию не содействует.

Справедливость. Трудно сказать, что эта ценность характерна только для русской культуры. Имеется в виду, видимо, обостренное чувство справедливости вследствие постоянного ее нарушения, особенно властью. Отсюда предпочтение вольности в противовес свободе.

Еще один аспект: справедливость важнее закона, ибо обычно суд на Руси — шемякин суд. Отсюда традиция неуважения к закону со стороны и власти, и подвластных: “Суровость законов российских смягчается необязательностью их исполнения”

(М.Е. Салтыков-Щедрин). В. Чеснокова пишет о преобладании так называемой “рассеянной санкции”, внесудебной. Высокая доля неформальных отношений, жизнь “по понятиям” не есть изобретение постсоветской России.

Справедливость чаще мыслится как уравнительность вследствие бедности.

Эмоциональность, порыв, вдохновение. Интуиция ценится выше рациональности. Красота, эстетичность. На это обращает внимание С. Хакамада, проводя различие с более сдержанными, не склонными к порывам японцам [Хакамада, 1999].

Нестандартность мышления, изобретательность (лень — двигатель прогресса), оригинальность. Отсюда достижения русской художественной культуры [Там же].

Попробуем подвести итог. Несомненно, в российской традиционной системе ценностей есть много привлекательного. Сравнивая ее, скажем, с латиноамериканской, можно увидеть ряд позитивных черт, в том числе с точки зрения творческой. Несмотря на теневые стороны, стремление к совместной работе (кооперативность, артельность), труд в удовольствие, размах, нестандартность и оригинальность содержат большой продуктивный потенциал. Если не конфуцианское трудолюбие, то, может, они могли бы стать основой нашего чуда. Тем не менее в целом ценности традиционной русской культуры, в совокупности с сопутствующими отрицательными качествами, к которым она проявляет терпимость, непродуктивны применительно к современным условиям. Они отражают отношения и институты архаичного общества с иерархической структурой господства и власти, с аграрно-феодальной экономикой, когда природно-климатические условия и огромные пространства еще оказывали большое влияние и на развитие хозяйства, и на человеческие характеры.

Успешное, хотя и противоречивое развитие капитализма в России перед революцией показывает, что либо традиционные ценности не препятствовали развитию, либо их сопротивление преодолевалось, либо они сами постепенно трансформировались. Средневековье отступало.

Советский человек

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем...

Эти слова пролетарского гимна большевики постарались воплотить в жизнь. Конечно, это касалось не зданий и сооружений, а человека со всеми его убеждениями и предрассудками, с его ценностями, взращенными на почве феодализма и еле проклюнувшегося русского капитализма.

Что получилось? Попробуем построить таблицу, подобную табл. 2, но теперь для советского периода.

В своей работе [Ясин, 1989] я сопоставлял модели человека в западной литературе по менеджменту и у нас. В частности упоминались популярные тогда модели Макгрегора “Х” и “У”. Модель “Х” — человек ленив, избегает ответственности, противится переменам, безразличен к проблемам организации, легко поддается демагогии. Модель “У” — люди по природе активны, готовы к действиям, инициативе, разделению целей организации... Короче, все наоборот. Мысль автора такова, что люди ведут себя по-разному в зависимости от стиля управления, от условий, создаваемых для них [О’Шоннеси, 1979, с. 133—134].

По аналогии для советской системы я предложил модели “Ш” и “Щ”. Позволю себе выдержку.

“Одну из них рисуют учебники политической экономии и непритязательные пропагандистские публикации. Это образ человека, который в силу господства общественной собственности на средства производства активно заинтересован в эффективном ведении общественного хозяйства, и это — прямой и основной побудительный мотив его трудовой деятельности. Его личные интересы совпадают «в коренном, в главном» с общественными. Он коллективист, главные черты его взаимоотношений с другими членами коллектива и вообще согражданами — товарищеское сотрудничество и взаимопомощь. Труд его постепенно перестает быть только средством к жизни, превращается в творческую деятельность, источник радости и наслаждения. «Высшей наградой за такой труд является он сам, его результат...» [О’Шоннеси, 1979]. Пусть это будет модель «Ш» [Ясин, 1989, с. 21].

Модель “Ш” (ша) — человек тихий. Это как бы подтекст того времени.

“Другая модель встает со страниц многочисленных ведомственных инструкций. Здесь человек — полная противоположность первому. Он ленив, без понуканий работать не станет. Не любит новшеств. Стимулы воспринимает самые простые — плати больше. Но баловать нельзя: заплатишь больше, будет считать, что так и положено. Если где-то что-то можно ухватить, не преминет

Таблица 3. Советские ценности и их антиподы

Ценности (модель “Ш”)	Оборотная сторона (модель “Щ”)	Примечания
Коллективизм, сотрудничество, взаимопомощь	Подавление личности, авторитаризм, безответственность	
Причастность к общему делу, разделение целей государства, идеализм и энтузиазм	Покорность, долготерпение	По официальной идеологии причастность мотивируется общественной собственностью. Перекликается с традиционными ценностями духовности, самопожертвования, соборности в духе Бердяева
Эгалитаризм, неприязнь к выскочкам и имущим, аскриптивность	Уравнительность, отсутствие стимулов, “недостижимость”	Сродни традиционной справедливости
Труд как удовольствие	Лень, бездеятельность, неорганизованность, результат отсутствия стимулов	Традиционная ценность, в силу изменений жизненного уклада более позитивное отношение к труду ради заработка
Нестандартность, изобретательность		
Размах, склонность к масштабным проектам	Небрежность, беспечность, отсутствие средней культуры	Традиционная ценность, размах за государственный счет
Образование		Новая продуктивная ценность
Скромность в потреблении, неприязнательность	Слабость стимулов к труду и успеху (в сочетании с эгалитаризмом), “недостижимость”, реальное “потребительство”, вороватость, “быть первым при раздаче”, карьеризм	Сродни традиционной нестяжательности, но в новых условиях. Неприязнательность, обусловленная дефицитом товаров
Щедрость, бескорыстие, душевность		Традиционные ценности сохраняются в урезанном виде в силу смены уклада жизни, перехода к наемному труду в городе
Патернализм	Иждивенчество	

это сделать. Экономить не любит, предпочитает действовать по принципу: «Запас карман не тянет». Не склонен считать государственные деньги. Норовит делать приписки к собственной выгоде в надежде, что не поймают. Воруют; у соседа, может быть, не украдет, но хищение общественной собственности воровством не считает (вспомним инструкцию, даже обсуждавшуюся в печати: она предписывала сжигать канцелярскую мебель на том основании, что злоумышленники могли бы списывать себе на пользу еще годные столы и стулья). И наконец, начальства боится, послушен, если быть строгим и держать под неусыпным контролем. Сам стремится стать каким-нибудь начальником. Назовем эту модель моделью «Ш» [Ясин, с. 22].

Эти две модели представляют, с одной стороны, официально одобряемые ценности, с другой — их оборотную сторону, реальности жизни в советском обществе.

Официальные ценности не значит реально не разделяемые. В подтверждение приведем данные исследования качеств работников в оборонной промышленности в 1990—1991 гг. [Шкаратан, Карачаровский, 2002, с. 45]. *Широко распространенные качества*, выявленные исследованием в этом наиболее продвинутом секторе советской экономики: способность к интенсивному труду (чрезвычайные усилия), стремление к совместной работе (коллективизм), чувство причастности к общему делу, склонность к оригинальным решениям, новаторству, готовность оказать бескорыстную помощь, готовность подчиниться неформальному лидеру, неприязнь к “высочкам” (аскриптивность), а кроме того, выпадающая из традиционной ментальности склонность к риску (хотя всегда была вера в удачу). В то же время *мало распространенными качествами* оказались способность к монотонному стереотипному труду, приверженность к индивидуальным формам труда, высокий уровень личных притязаний. Это перекликается с тем, что мы видим в табл. 3.

Совершенно очевидна взаимосвязь и преемственность советских ценностей с традиционными. “До основанья” не получилось, в том числе и по части избавления от отрицательных качеств. Это объясняется не только живучестью старой культуры, но еще больше характером нового строя, его сходством с прежним: еще бóльшая роль государства, иерархическая организация общества, повсеместное распространение системы “сдачи-раздачи” при свертывании сети рыночных отношений. Это крайне важно, ибо дело не в неизменности ценностей, якобы искони присущих русским, а в сохранении принципиально важ-

ных социальных институтов, ценности формирующих. “Самый передовой общественный строй” на деле оказался вторым изданием государственного феодализма, продлением его существования.

Вместе с тем заметны определенные изменения. Меняется отношение к труду ради заработка: он уже не наказание, его низкая эффективность — от отсутствия действенных стимулов. За официальной, а для многих и реальной скромностью в потреблении, обусловленной недоступностью многих товаров и услуг, дефицитом, скрывается набирающая силу жажда потребительства. Воровство у государства (из общественной собственности) не считается воровством: несун не вор, он берет общее, значит, ничье. Богатство еще предосудительно, карьеризм официально осуждается, но это своеобразный субститут богатства в советских условиях: повышение по карьерной лестнице равносильно приращению капитала.

Принципиально новая и продуктивная ценность — образование.

Содержание многих ценностей поменялось в силу колоссальных социальных изменений. Отметим некоторые важнейшие события и процессы.

В 1968 г. численность городского населения превзошла численность сельского. В 1913 г. в городах жило 15% населения, в 1926 г. — 17, в 1939 г. — 31,7%. До середины XX в. мы все еще были преимущественно крестьянской страной. Но в 1990 г. уже 2/3 населения жило в городах. Численность сельского населения СССР сократилась и абсолютно — почти вдвое. С 1926 по 2000 г. Россия — еще более городская страна, чем СССР, — 74% городского населения.

Еще в середине 1920-х гг. большинство россиян жило в деревенских домах. К концу 1950-х — в коммунальных квартирах, общежитиях и бараках. В 1989 г. в отдельных квартирах с мини-

мальным уровнем благоустройства (ванна, горячая вода, центральное отопление, канализация) жило 67% городских семей, а всего в отдельных квартирах и домах, включая село — 53% семей. *Отдельная квартира стала основным типом городского семейного жилища*, а обитающая в такой квартире малая нуклеарная семья — основным типом городской семьи [Вишневецкий, 1998, с. 91].

В те же годы в связи с урбанизацией, сменой образа жизни, источников дохода, произошла *радикальная смена демографического режима* — от быстрого роста населения при высоких рождаемости и смертности к стационарному населению или даже депопуляции при низких показателях рождаемости и смертности.

Суммарный коэффициент рождаемости — среднее число рожденных одной женщиной за всю жизнь монотонно снижалось с 2,626 в 1958—1959 гг. до 1,214 ребенка в 2000 г., в том числе с 1,552 в 1992 г.; иначе говоря, на этот процесс либеральные реформы оказали лишь незначительное влияние. Смертность после Второй мировой войны снижалась до 1964 г., затем до 1985 г. она медленно росла (с 9,4 человек на 1000 жителей в 1970—1971 гг. до 11 человек в 1985—1986 гг.); упала во время антиалкогольной компании 1985—1987 гг. и заметно возросла в 1992—1994 гг. (до 17,8) и затем в 2000 г. — 17,4 человек. Здесь негативное влияние реформ сказалось более заметно, но в целом тенденция стабилизации налицо [Население России 2000, 2001, с. 83—85].

Смена демографического режима — явное свидетельство изменения отношения людей к своей жизни и к смерти: не в мнениях, а в поступках. В дореволюционной России преобладала пассивность перед смертью: “Бог дал, Бог и взял”. К концу советской эпохи люди хотят жить как личности, лучше, поэтому женщины зачастую отказываются заводить детей. Со смертью борются и врачи, и их пациенты. Ценность человеческой жизни выросла. Это ли не показатель развития индивидуализма?

Таким образом, за годы советской власти полностью изменился образ жизни людей: из села, собственного дома, патриархальной семьи, всепроникающего социального контроля сосед-

кой общности люди переместились в города, в отдельные квартиры и многоквартирные дома, где соседи порой не знакомы друг с другом, в малые семьи с одним-двумя детьми. Город сделал людей более свободными и более уязвимыми.

Но большинство новых горожан, а в значительной части и их дети еще оставались сельскими жителями по образу мыслей, по ценностям. К моменту распада СССР примерно половина его жителей была горожанами в первом поколении. Среди 60-летних и старше 60 лет граждан СССР коренными горожанами были только 15—17%, 40% — среди 40-летних, и только в числе лиц моложе 22 лет уже преобладали горожане во втором поколении [Вишневский, 1998, с 94]. Связь большинства горожан с сельскими родственниками зачастую была сильнее связей с соседями, а то и с соотрудниками.

В 1940—1950-е гг. в советских городах преобладали вчерашние крестьяне, находившиеся в наиболее активном возрасте. Они и пришли к власти. На высшие партийные посты из деревни и рабочих поселков было привлечено 60,5% и только 22% — из крупных городов [Там же, с. 98]. Только у поколения 1940-х гг. доля коренных горожан стала преобладать.

Надо еще заметить, что советский город отнюдь не был тем оплотом рыночных отношений и гражданских свобод, каким являлся уже средневековый европейский город. Прописка, дефицит, система сдачи-раздачи, включая жилье, сам характер городской застройки — все это ограничивало свободу, уподобляло советский город селу. В. Глазычев писал о “слободизации” страны, имея в виду окружение старых городских центров безликой новой застройкой и частными домами горожан — вчерашних сельских жителей, в силу чего городская среда, в других странах становившаяся средоточием гражданской и культурной жизни, у нас в провинции не складывалась [Глазычев, 1995, с. 86]. Главная площадь со зданиями обкома, облисполкома, КГБ и неизменным памятником Ленину не привлекала людей. А остальное было придатком к заводам, как склады и подъездные пути.

Напомню кинофильм “Маленькая Вера”, вышедший в годы перестройки. Ужас жизни в “хрущобах” между железной дорогой и заводом, где человек не мог стать личностью, где он был обречен становиться злым, грубым и несчастным. Даже бедная деревня с ее живым природным окружением кажется более гуманной, более благоприятной средой для человеческого развития.

Все это важно, если мы хотим понять изменения в системе ценностей россиян. До самого последнего времени (1990 г.) они во многом сохраняли традиционные, в том числе советизированные ценности.

Последние, хотя и относились по словам Ю. Левады “к лозунгу, проекту, социальной норме”, “в то же время — это реальные характеристики поведенческих структур общества”. [Левада, 1993, с. 8]. Они находили отклик в культуре горожан первого поколения [Вишневский, 1998, с. 181]. *И только сейчас, начиная с 1990-х гг., ситуация начинает в корне меняться.*

Меняются ли ценности от реформ?

О том, что происходит с системой ценностей последние 15 лет, можно судить, с соответствующими оговорками, по социологическим исследованиям. Мы используем известные результаты, которые в основном не были получены из работ, специально поставленных для наших целей. При этом мы получаем возможность проследить динамику мнений и охарактеризовать ценностно-идеологическую стратификацию пореформенной России.

ВЦИОМ с 1989 г. проводил исследования по программе “Советский человек”. В табл. 4 приводятся данные, позволяющие, со всеми оговорками, судить о динамике мнений относительно качеств своего народа.

Таблица 4. “Образ жизни” и “образ человека”

Качества	В % от числа респондентов			
	Мнение о согражданах			Мнение о себе, 1999 г.
	1989 г.	1994 г.	1999 г.	
Энергичные	9	22	20	29
Гостеприимные	55	67	73	65
Открытые, простые	59	72	67	51
Миролюбивые	50	52	42	41
Ленивые	25	26	27	8
Терпеливые	52	62	63	43
Свободолюбивые	20	27	23	19
Культурные, воспитанные	5	8	8	18
Непрактичные	31	38	22	9
Безответственные	22	29	16	2
Готовые помочь	51	61	55	46
Религиозные	7	14	14	7
Забитые, униженные	10	17	16	2
Трудолюбивые	27	42	35	44

Источник: [Левада, 2000, с. 448].

Ю. Левада комментирует эту таблицу: комплекс самоутверждения меньше самобичевания по сравнению со временем начала реформ, больше переживания собственной униженности, сами о себе гораздо лучшего мнения, чем о своих согражданах.

А что о ценностях? Лень и терпеливость практически не изменились. Свободолюбие немного выросло. Значимые изменения: энергичность — рост на 11% (20% в 1999 г. к 9% в 1989 г.); непрактичность — снижение на 9% (22 : 31 соответственно); безответственность — снижение на 6% (16 : 22); трудолюбие — рост на 8% (35 : 27).

Просматриваются сдвиги в направлении адаптации к новым рыночным реалиям.

Отношение к государству показано в табл. 5.

Таблица 5. “Государство и мы”

Позиции	В % от числа респондентов	
	1989 г.	1999 г.
Наше государство дало нам все, никто не вправе требовать от него еще чего-то	5	1
Государство дает нам немало, но можно требовать и большего	10	6
Государство нам дает так мало, что мы ему ничем не обязаны	7	38
Наше государство сейчас в таком положении, что мы должны ему помочь, даже идя на какие-то жертвы	38	17
Мы должны стать свободными людьми и заставить государство служить нашим интересам	27	37
Другое	1	2

Источник: [Левада, с. 442].

Подтверждение тенденции: меньше требований к государству и меньше готовности жертвовать ради него чем-либо, резкий рост настроений обособления от государства, ощущения, что не люди должны служить ему, а оно — им.

Интересно исследование российских ценностей, осуществляемое под руководством профессора Н.И. Лапина с 1990 г. Методика исследования по оценке профессионалов отличается высоким качеством.

Н.И. Лапин выделяет 14 базовых ценностей (см. табл. 4). Поддержка каждой из них респондентом выясняется на основе оценки им ряда (не менее двух) альтернативных суждений на 11-бальной шкале. На основе обработки этих данных определяются ранги ценностей и процент поддержки их респондентами.

Авторы исходят из того, что ценности выполняют функцию интеграции индивидов в общество, имея при этом неодинаковое влияние. Главное — **ядро ценностей**, разделяемых большинством членов общества, — не менее 57% опрошенных. Они номинально нейтральны к типу общества — семья, порядок, общение.

Далее выделяется **интегрирующий резерв**, который, по мысли авторов, включает ценности “утвердившегося социокультурного типа общества — традиционного или либерального” [Лапин, 2002, с. 39]. В либеральном обществе — это свобода, независимость, инициативность; в традиционном, напротив, — это традиции, общинность (коллективизм), самопожертвование.

Третий слой — **оппонирующий дифференциал** включает ценности, противостоящие ценностям интегрирующего резерва.

Четвертый слой — **конфликтотенная периферия**. Н.И. Лапин полагает, что она связана с властнорегулирующей функцией общества и в специфическом российском исполнении представлена двумя конфликтующими ценностями — властью и вольностью. Власть у нас мыслится не как ответственность за общественные дела, а как способность подчинять других своей воле, близко к латиноамериканскому пониманию. Вольность же тяготеет к вседозволенности и, стало быть, отличается от свободы, предполагающей самоограничения, социальную ответственность.

Что же показывают результаты 12-летних исследований Н.И. Лапина, представленные в табл. 6?

Ядро, как мы видим, остается неизменным.

Интегрирующий резерв, входящие в него ценности привлекают от 45 до 57% опрошенных. В 1990 г. в нем было три ценности, из которых только одна либеральная — свобода. В 2002 г. их уже три — свобода, независимость, инициативность. Их можно сопоставить с автономией и мастерством в исследовании С. Шварца. Остальные — благополучие, нравственность, жизнь — Лапин считает нейтральными. Налицо изменение ценностей в либеральную сторону, но я не стал бы пока говорить об их победе, об укоренении в сознании людей. Скорее — о противоречивости, переходном характере современной российской системы ценностей, сдвигающейся в сторону продуктивности. Н.И. Лапин также отмечает неоднородность российской культуры, противоречивое сочетание в ней и либеральных, и традиционных ценностей, противостояние вольности и свободы [Там же, с. 41, 43].

Изменения “оппонирующего дифференциала” (от 30 до 45 %) подтверждают это. В 2002 г. в нем сохранились лишь три консервативные ценности, в том числе работа (конфуцианское трудолюбие не наша добродетель, но все же я бы посчитал работу ценностью продуктивной и не консервативной, а скорей, нейтральной).

Интересно противопоставление вольности и власти. Что власть не любят — понятно. Вольность как символ прощения самим себе своих слабостей, как источник и поддержка антиобщественных явлений — преступности, коррупции, теневой экономики. Оценка низкая, но мнения здесь расходятся с деяниями.

В 1992 г. С. Шварц проводил по своей методике исследование в Санкт-Петербурге и пришел к выводу, что Россия по таким ценностям, как равноправие, мастерство, интеллектуальная и аффективная автономия, занимает последнее место в ряду стран Западной и Восточной Европы. В 1999 г. Н.М. Лебедева при поддержке Российского гуманитарного научного фонда повторила исследование по той же методике среди студентов и учителей Петербурга, Пензы, Москвы и Ярославля. Сопоставление результатов двух исследований приведено в табл. 7.

Таблица 7. Сопоставление ценностей в странах Западной Европы, Восточной Европы и России

Блоки ценностей	Учителя			Студенты		
	Западная Европа	Восточная Европа	Россия	Западная Европа	Восточная Европа	Россия
Консерватизм	3,51	4,15	4,38	3,32	3,83	3,71
Иерархия	1,28	2,19	3,05	2,021	2,23	3,10
Гармония	4,30	4,24	4,28	4,05	4,11	3,69
Равноправие	5,35	4,74	4,93	5,21	4,63	4,27
Интеллектуальная автономия	4,60	4,15	4,05	4,61	4,23	4,65
Аффективная автономия	3,76	3,13	2,95	4,23	3,78	3,98
Мастерство	3,98	3,84	3,98	4,27	4,22	4,43

Примечания: 1) баллы от -1(ценность отрицательная) до 7 (ценность важнейшая); 2) Западная Европа — 11 стран, Восточная Европа — 9 стран включая Россию в 1992—1996 г., Россия — 1999 г.

Как мы видим, в целом в 1999 г. ценности российских учителей по-прежнему смещены в сторону, неблагоприятную для развития по сравнению с их коллегами в Западной и Восточной Европе за исключением мастерства. Иначе говоря, ценность, активизирующая предприимчивость и изобретательность, пошла вверх, достигнув оценки Западной Европы. У наших студентов мастерство получило даже более высокую оценку, чем в Западной Европе. Ценность консерватизма в их глазах оказалась ниже, чем в Восточной Европе. Они также меньше своих коллег в Европе стали ценить гармонию, тогда как ценность автономии, особенно интеллектуальной, поднялась выше всех.

Позитивные сдвиги налицо: резкое повышение энергетического потенциала молодых. В то же время удивительно, но ценность иерархии в глазах студентов возросла, а равноправия —

понижилась, даже по сравнению с собственными учителями. Можно предположить, что сказались условия кризиса, временно повышавшие ценность безопасности и стабильности, требования к повышению роли государства, и в то же время усиление недоверия к институтам, обеспечивавшим права граждан перед законом, к возможности достижения социальной ответственности через общее согласие, через демократические механизмы. И это не удивительно, если вспомнить о злоупотреблении властью, преступности и коррупции, захлестнувших страну.

Это очень важное наблюдение. Его подтверждение означало бы, что позитивное смещение системы ценностей в сторону активности сопряжено с потерями для гуманности и доверия.

Общий вывод из этих исследований: *в российской системе ценностей происходят позитивные изменения* и для такого неподвижного объекта — очень быстро. Хотя, может быть, и медленнее, чем хотелось бы.

Структура ценностных ориентаций российского общества

Выше мы выяснили, какова динамика мнений о ценностях в России. Теперь попытаемся ответить на вопрос о структуре ценностных ориентаций, о соотношении сторонников традиционных, советских и либеральных ценностей.

Как ни странно, исследования такого рода стали появляться только недавно.

В 2001 г. был реализован проект “Томская инициатива” [Бызов, 2002, с. 114], котором содержится вариант анализа ценностно-идеологической стратификации (приводятся данные о доле групп в выборке):

1) традиционалисты — приверженцы ценностей дореволюционного и советского общества, что, как мы видели, вполне совместимо 29,6%;

2) традиционные консерваторы — умеренные, периферия коммунистического электората 7,8%;

3) анархисты — неадаптированные носители идей социальной справедливости, либералы-социалисты, левые либералы в европейском смысле 20,8%;

4) либералы-индивидуалисты — модернисты в чистом виде с индивидуалистическим сознанием и достигательными установками, чистые западники 29,0%;

5) неоконсерваторы за радикальные реформы, но с опорой на традиционные ценности, приверженцы В. В. Путина 12,0%.

На мой взгляд, излишнее дробление групп при достаточно условных границах между ними не слишком обогащает анализ. В данном исследовании авторы стремились обосновать появление последней, по их мнению перспективной, группы, но здесь, скорее, уместно подходящее для анализа выборов выделение “болота” — совокупности людей, ориентированных на власть и обладающих размытыми ценностными позициями. Все же 29% чистых либералов, даже по выборке в культурном городе — неплохой результат.

Высказывается также мнение о необходимости различения либералов и модернистов. Последние, видимо, уподобляются бызовским неоконсерваторам, а либералы, скорее, анархистам в его интерпретации, безоглядным борцам за права человека. Такое различие представляется искусственным.

В конце 2002 г. в целях выявления соотношения сторонников трех групп ценностей — традиционных, советских и либеральных в соответствии с изложенными выше представлениями, — по программе, разработанной И.М. Клямкиным, выполнено исследование на основе стандартной выборки ВЦИОМ. Основные результаты впервые приводятся ниже.

В программе исследования предусмотрен ценностный блок из пяти тем: закон и право, власть, труд, коллективизм-индивидуализм, терпимость. По каждой теме респонденту предлагалось выбрать одно из трех суждений, которое наиболее соответствует

его представлению о должном и правильном. Первое старается выразить традиционное мировосприятие, второе — советское, третье — либеральное.

Например, по теме “Закон и право”:

традиционное суждение — чтобы был порядок, каждый человек должен жить в согласии с обычаем и традициями, соотнося свои поступки с собственной совестью и мнением окружающих, которое действует на людей сильнее любого закона (29,6%);

советское суждение — чтобы был порядок, человек должен жить по законам, которые служат, прежде всего, интересам государства, а государство должно обеспечивать неукоснительное соблюдение гражданами своих обязанностей (24,9%);

либеральное суждение — чтобы был порядок, каждый человек должен знать и ценить принадлежащие ему от рождения права и свободы, государство обязано уважать, соблюдать и защищать их (39,0%).

Данные о доле ответивших приведены в табл. 8.

Таблица 8. Доли разделивших традиционные, советские и либеральные суждения (по пяти темам)

Темы	В % от числа респондентов			
	Традиционные суждения	Советские суждения	Либеральные суждения	Затруднились ответить
Закон и право	29,6	24,9	39,0	6,5
Власть	9	30,7	53,4	6,9
Труд	20,4	35,5	38,8	5,2
Коллективизм-индивидуализм	23,4	22,4	45,7	8,4
Терпимость	15,5	24,2	48,4	11,8
В среднем по всем темам	19,6	27,5	45,1	7,8

По всем темам либеральные ответы набирают самую высокую долю, но, кроме темы “Власть”, в сумме традиционные и советские ответы превышают половину.

В табл. 9 показаны доли респондентов, выбравших пять, четыре и три ответа одинаковой ценностной ориентации, т.е. таких, которых с большей или меньшей долей уверенности можно отнести к традиционалистам, советским людям или либералам.

Таблица 9. Доли ответивших по большинству тем в рамках одной ценностной ориентации

Ценностные ориентации	Выбор ответов одной ценностной ориентации по пяти темам, % от числа респондентов			
	5 ответов	4 ответа	3 ответа	max
Традиционные	0,7	2,8	9,8	11,4
Советские	0,9	5,4	16,7	18,1
Либеральные	7,9	22,8	43,6	45,9
Остаток	90,4	69,0	29,9	24,7

Интерпретация этой таблицы может быть такова. В первом столбце показана доля твердых сторонников тех или иных ценностей: все их ответы одной ориентации. Их число невелико, поэтому респонденты с менее четкой позицией занимают более 90%. Все же либералов существенно больше. Во втором столбце — люди, достаточно твердые в убеждениях, но не всегда последовательные. Доля либералов при этом возрастает до 22,8%. Напомню, что в обследовании П.Г. Бызова их доля составила 29%. Все же остаток здесь составляет 69%, т.е. большинство респондентов обладает весьма расплывчатыми убеждениями. Три ответа из пяти — минимум для признания человека сторонником определенных ценностей: доля либералов по преимуществу повышается до 43,6%, традиционалистов вместе с советскими, пусть и непоследовательными, — 26,5%. Примерно столько же голосует за левых на выборах. Максимум определен из условий:

1) на три из пяти ценностных вопросов респондент выбрал ответы, соответствующие данному типу;

2) он выбрал ответ, свойственный данному типу в двух из пяти случаев, но по оставшимся трем вопросам не было выбрано более одного ответа из оставшихся двух других типов.

При максимуме тенденции те же: мы имеем сегодня преобладание либеральных ценностей, но весьма размытое, сплошь и рядом совмещаемое в головах людей с иными, противоположными ценностями. Удивительно, если бы было иначе.

Следует предупредить против чрезмерно оптимистических выводов. Либерализм и демократия в России по-прежнему не являются популярными символами, уважение к правам и свободам человека в обществе — скорей на словах. Хотя все больше доля граждан, выражающих в опросах согласие с либеральными ценностями, их действия прежде всего в силу сохраняющихся негативных общественных институтов и инерции (недоверие, право сильного, коррупция) продолжают отставать, свидетельствуя о живучести прежних ценностей и установок. Преодоление этих препятствий требует времени, возможно, измеряемого поколениями. Но надо исходить из того, что это процесс, в котором ощутимые сдвиги могут произойти и дать результаты сравнительно быстро.

В моей памяти постоянно присутствует еще с советского времени впечатление о переезде границы между Эстонией и Псковской областью. Там, как кажется, даже мхи и лишайники в лесу ухожены. Здесь — болота, заросшие диким кустарником. Одна страна, одни порядки, а такая разница. Подобные впечатления, полагаю, живут во многих россиянах, питая ощущение непреодолимости разрыва в культуре. Но тогда и Москва была чем-то похожа на псковские болота, а сейчас как далеко она ушла вперед! Дойдет черед и до Пскова.

Эта мысль должна сменить прежние впечатления, уверенность взамен сомнений, вызов надо принять.

Выводы из анализа современной российской системы ценностей.

1. Она включает три разнородные части, из которых первые две — традиционная и советская — делаются менее неразличимыми. Старые стереотипы сильны, в той или иной мере ими заражена большая часть общества. Учитывая особенности “*homo soveticus*”, можно говорить о болезни общества, болезни затяжной и далеко не изжитой.

2. Новые либеральные ценности захватывают позиции прежде всего среди молодежи, они уже стали первыми по числу приверженцев. Темп движения достаточно высок, хотя продуктивность новых ценностей не всегда реализуется на практике.

3. Есть определенные перекосы: ценности нового поколения поощряют предприимчивость, квалификацию, индивидуализм, но чересчур жестоки к слабым. Не хватает солидарности, гуманности, терпимости, доверия (см. исследования Н.М. Лебедевой). Может быть, это неизбежно и полезно для энергетики новой демократической России, особенно на первых этапах, но далее это будет мешать все больше.

4. Перспективы и задачи

Завершая обсуждение проблемы ценностей и их роли в модернизации экономики России и всего российского общества, опираясь на изложенные выше данные и аргументы, попытаемся сделать некоторые обобщения.

В чем прав Маркс: глобальное развитие — от иерархии к сети

Обобщение первое

Безусловно, система ценностей, культура в широком смысле играют огромную роль в развитии, и нельзя все сводить к чисто экономическим факторам. Именно культура — не просто институты. Иногда она как судьба, по крайней мере для поколения или двух, не позволяет выбиться из наезженной колеи.

Но в одном, видимо, все-таки прав был К. Маркс: в конечном счете бытие определяет сознание. Изменения в экономическом строе рано или поздно меняют ценности. Если этого не происходит, данная цивилизация, данная культура приходит в упадок.

В течение последних четырех столетий идет неуклонный процесс перехода от традиционной иерархической структуры общества к сетевой, от натуральной экономики — к рыночной, от феодализма — к капитализму. Есть разные теории, в том числе утверждающие, что феодализм явление чисто европейское, датируемое с X в., и что наравне с ним или в противовес ему надо рассматривать азиатскую деспотию и другие традиционные общества. Не хочу спорить по специальным вопросам, для меня под углом современных проблем феодализм — это строй, в котором главный ресурс — земля, главное занятие — сельское хозяйство, в основе своей натуральное, а основа социальной структуры — сословная иерархия, опирающаяся на земельную собственность. Известно множество разновидностей: централизованная монархия, феодальная раздробленность и т.п. Но все это — разновидности феодализма, в моем понимании.

Торговля всегда была в традиционном феодальном обществе, но как нечто вспомогательное, добавленное к основному. Финикия, древние Греция и Рим дали примеры более высокого уровня развития торговли, но все равно преобладала сословная иерархия с отношениями подчинения в зависимости от сословной принадлежности. Только в европейских средневековых городах стали развиваться экономика и общество, основанные на торговле, на рынках, на сетевых социальных структурах, способных вытеснить иерархию. И это развитие продолжается поныне.

Традиционные иерархические общества были застойны, тысячелетиями они жили, почти ничего не меняя в технике и образе жизни. Культура, общепринятые ценности освящали эту стабильность. Менялись правители, но не менялись системы правления, основанные на подчинении и господстве.

Торговое, рыночное общество, из которого вырос капитализм, оказалось несравненно более гибким и динамичным. Не земля, а капитал стал основой богатства и влияния. А капитал изменчив, динамичен: вот он есть, а вот конкуренция подточила его масштабы. Все время надо двигаться, искать, расти. И ценности тоже стали более подвижны. Реформация в Европе была одной из фаз изменения ценностей и культуры. Таковую же роль сыграли Английская и Французская революции.

Почему я повторяю эти, в общем-то тривиальные, вещи, кажется, известные всем? А потому, что нынешние события в России — в том же ряду. Русская революция 1917 г. могла бы стать действительно колоссальным экономическим и культурным переворотом для страны, не заяви она претензии на социалистическую и не оказалась на деле просто продлением жизни русского феодализма в советском обличье. Сталин сыграл роль не Наполеона, а Бурбона. За 75 лет мы успели стать сверхдержавой и, задерживаясь в развитии, растратив национальные ресурсы, оказались к августу 1991 г. у разбитого корыта. За это время другие страны серьезно продвинулись в экономике, в социальных отношениях, в культуре. Наши ценности к этому времени, хотя они начали трансформироваться еще в советский период, оставались архаичными, отражающими советско-феодалное бытие. Демократической революции пришлось начинать с начала. Но важно, что это начало случилось наконец.

Два мощных импульса к переменам получили наши ценности от реформ: экономическую свободу цен, торговли и предпринимательства и частную собственность. Не сразу, шаг за шагом, но эти принципиально важные институты, дополняемые с запозданием другими, стали менять систему ценностей. И этот процесс продолжается.

Не значит ли это гибель нашей самобытной культуры и замену ее универсалистскими западными, так называемыми общечеловеческими ценностями? Нет, не значит.

Конечно, мы должны понимать, что все культуры равноценны и важны, как важны виды животных, заносимых в Красную книгу. Но не все обладают одинаковыми способностями к развитию. Цивилизации прежде были более оригинальны, поскольку возникали самостоятельно, отвечая на собственные вызовы, и развивались более обособленно. Но чем дальше, тем активнее развиваются связи, тем больше взаимозависимость, тем больше унификация культур.

Самобытность при этом сохраняется, прежде всего в той мере, в какой она не противоречит задачам развития, не идет во вред конкурентоспособности. Кроме того, в силу неповторимых особенностей — природы, климата, истории. И наконец, поскольку она сама составляет конкурентные преимущества. Для Восточной Азии это трудолюбие, предприимчивость и тяга к образованию. Для нас — свое, что, может быть, еще не проявилось в полной мере, но должно проявиться в постиндустриальном обществе. Мы отметили также традиционные русские ценности — труд ради творчества, размах, нестандартность мышления. Ценность образования появилась в советское время. Дополненные свободой личности и другими либеральными ценностями, они в новых условиях могут создать сильный заряд продуктивности.

Российские ценности в мире

Обобщение второе

Для России в предстоящей перспективе постиндустриального развития система ценностей не должна представлять непреодолимого препятствия, неразрешимой проблемы. Каждый из нас готов вспоминать о наших национальных недостатках — лени, разгильдяйстве, нелюбопытстве, неумении жить по законам и пр. Общее мнение: куда нам до Запада, до их культурности. Да еще климат, да еще бесконечные плоские пространства, да еще неискоренимая склонность к спиртному: веселие Руси есть питье. Самих себя становится жалко и для компенсации приходят мысли об особой натуре, об исключительности русского пути, о заго-

воре всех иностранцев и инородцев, о неизбежности авторитарной власти — комплекс неполноценности, дополняемый манией величия, лишаящий надежды и уверенности в своих силах, ослабляющий волю, подрывающий стимулы к достижению успехов, личных и общих.

Вся проблема ценностей и тема настоящего доклада во многом инициированы этими настроениями, достаточно распространенными и опасными. Основной вывод доклада состоит в том, что у подобных настроений нет серьезных оснований. Недостатки есть, система ценностей еще не стала продуктивной, она будет создавать трудности. Но недостатки изживаемы, они в основном результат складывавшихся в прошлом отношений и институтов, их архаичности. Теперь реформы создали новые условия, формирующие, и притом достаточно быстро, новую более продуктивную систему ценностей.

И в ряду мировых культур российская цивилизация занимает отнюдь не самое безнадежное место. А. Тойнби [Тойнби, 2002] считал нас особой восточно-христианской цивилизацией, сестринской западной. У нас общая отеческая цивилизация — эллинская. Различия есть, и существенные. Но, скажем, иберокатолическая культура отличается от протестантской, североевропейской не больше, чем наша. А она, как мы видели на примере Испании, в последнее время добивается успехов в развитии.

Чтобы правильно оценить существенность различий между цивилизациями и величину препятствий, которые культура может создавать для развития, стоит обратиться к исламской цивилизации. До сих пор мы избегали упоминания о ней и из-за деликатности темы, особенно после 11 сентября 2001 г., и из-за ощущения неготовности к ее полнокровному анализу. Только в этом контексте считаю возможным коснуться ее.

Среди исламских стран есть богатые, но лишь за счет природных богатств. В то же время институты и ценности в них наиболее консервативны. Нефть Саудовской Аравии позволяет ей сохранять в первозданном виде средневековые обычаи и даже

поддерживать их за пределами своих границ. Только сейчас в этой стране начинаются разговоры о реформах, когда население удвоилось за последние 20 лет и достигло 23 млн. человек, а доходы от нефти не растут и перспективы их роста нет [The Economist, 2003, January 11th, p. 33].

Иран, тоже живущий за счет нефти, в конце 1970-х гг. сменил либеральный прозападный режим шаха на глубоко реакционный режим аятоллы, тоже основанный на средневековых ценностях, причем при поддержке широких масс. Чем-то Иран похож на Россию 1917 г., только мы совершали революцию вроде бы ради “самых прогрессивных” в мире идей.

Три самые светские и культурные исламские страны — Турция, Египет, Малайзия. У каждой из них проблемы серьезней наших нынешних. Турция хотя и добилась немалых успехов, уже не один раз прибегала к вмешательству военных, чтобы предупредить приход к власти исламских фундаменталистов. В Египте — авторитарный режим, считающийся прозападным, где вместе с тем министрами назначаются главы кланов, использующие государственные посты для кормления. Эта самая культурная страна арабского мира может усваивать чужие достижения, но не способна участвовать в их создании. Египетские таланты и капиталы скорей находят применение в других странах.

Малайзия — единственная мусульманская страна, добившаяся успехов на основе модели догоняющего развития. Но при активной китайской общине, занимающей ключевые позиции в бизнесе; при крупных иностранных инвестициях в развитие экспортных производств с целью экономии на рабочей силе, характерных для всего этого региона.

Как бы там ни было, но даже бывшие советские республики с преобладающей мусульманской культурой будут сталкиваться на пути развития с несравненно более сложными проблемами, чем Россия или Украина.

Я был бы рад, если бы проблемы стран исламской цивилизации разрешились наилучшим образом. Но их традиционные ценности, исламская культура действительно будут представлять

огромные препятствия для развития, несравнимые по масштабам с нашими. Я уж не буду говорить об Индии или странах Африки. Сказанное призвано подчеркнуть для нас именно это обстоятельство.

Вернемся к нашим нынешним проблемам, идущим, как кажется, от незыблемых национальных особенностей. На самом деле, как мы видели, сходные проблемы характерны для многих стран и цивилизаций, отстающих в своем культурном развитии.

Распоряжение властью — традиционная стилистика до сих пор норовит воспроизвести ЦК КПСС в облике Администрации Президента, как ЦК норовил воспроизвести царский двор. Главная идея — ни за что не отвечать, оставаться вне действия закона, но все решать. Уже в демократические времена Б.Н. Ельцин, который непрерывно подвергался нападкам со всех сторон, все время, видимо, ощущал, несмотря на свою принципиальную приверженность демократии, необходимость добиться покорности, овладеть рычагами. И шаг за шагом преуспел в этом: к концу его правления было сделано почти все, чтобы покончить даже с видимостью разделения властей. Конечно, ради дела.

Раз за разом власть показывала, что она может делать все что захочет, причем давая такую интерпретацию закона, которая полностью обосновывала легитимность ее действий. Это, разумеется, относится и к уровню регионов, хотя здесь далеко не всегда блюли юридические тонкости. Короче, пока можно сказать: *традиция возобладала*, причем не только в действиях власть предержащих, но и подвластных, которые толкают власть к тому, чтобы она поскорее стала авторитарной, готовой ни с чем не считаться ради своего авторитета и достижения поставленных, даже отнюдь не стратегических целей. Бюрократия стремится оставить за собой полномочия, но передать ответственность на ступень выше. В конце концов — на первое лицо. А себе оставить возможность вкупе с теми или иными олигархами пользоваться полномочиями не только в государственных интересах. Так было. Так есть. Так будет?

Итог — недоверие к власти и государству. Только президент удерживает высокий рейтинг доверия. Все остальные легальные институты — нет. Власть продолжает противостоять вольности, нежелание подчиняться закону, поскольку все убеждены, что власть первая не желает ему подчиняться, сама стремится лишь к тому, чтобы использовать закон в своих интересах.

Ну и как, скажете вы, выйти из этого порочного круга? Знаю одно: сегодня это только традиция, которая уже не поддерживается реальными экономическими отношениями. Интересами определенных групп — да! Но в отличие от советской рыночная экономика может жить без иерархии, и даже лучше живет без нее. Значит, справиться с этой традицией распоряжения властью можно. За это мы получили бы очень существенный прирост радиуса доверия.

Для власти в России есть реальная и очень трудная проблема, заставляющая искать ее решение в иерархии подчинения и авторитаризма. Это — пассивность граждан, их привычка к патернализму, готовность скорей подчиниться и воровать, чем отстаивать свои права и свободы. На практике всегда оказывается легче и экономней заставить силой, страхом, приказом сверху принудить к действиям, чем рассчитывать на самодеятельность. Но должно быть ясно, что речь идет о преодолении традиций, порожденных прежними архаичными институтами и прибегать к привычным средствам управления — значит воспроизводить и укреплять эти институты, создающие препятствия для развития страны, обуславливающие ее социально-культурное отставание.

Преступность в нынешних масштабах есть следствие ряда факторов:

- 1) ослабление государства в условиях демократической революции, подрыв авторитета прежнего репрессивного аппарата;
- 2) расширение гражданских свобод при запаздывании социальной ответственности, которая должна их дополнять;
- 3) резкое усиление социальной дифференциации и ограничение для многочисленных слоев населения возможностей легального доступа к вновь появившимся благам. Молодой чело-

век из бедных, вступавший в жизнь в 1992—1993 гг., где мог найти самый быстрый способ удовлетворения своих ожиданий и претензий? Он и находил его в организованной преступности в “силовом предпринимательстве”, причем на первых порах без особого риска. Кроме того, на силовое предпринимательство при слабости закона появился немалый спрос;

4) традиция вольности: редко где найдешь страну, в которой народный фольклор представляет бандитов столь привлекательными. Блатные песни, блатной жаргон распространяются даже образованной элитой.

Можно уверенно сказать, что преступность не является неустранимым национальным пороком. Это болезнь переходного периода.

Коррупция — проблема потяжелее. Она является бедой практически всех стран низкого и среднего уровня развития и одной из главных причин, почему они его повысить не могут. Ключевая проблема — примирительное отношение населения к коррупции, убежденность многих, что без взятки невозможно будет решить свои проблемы, что без нее станет еще хуже.

Коррупция — разновидность преступности, и все меры, которые окажутся действенны против последней, будут способствовать и снижению коррупции. Но здесь особенно важно участие всего общества в создании непримиримой обстановки в отношении коррупции. А это возможно лишь при увеличении доверия, прежде всего общества к власти.

Теневая экономика — органическое дополнение советской экономики и поэтому известный и понятный способ адаптации бизнеса и граждан к условиям переходного периода. Теперь она все больше становится просто способом ухода от налогов и сокрытия незаконных приобретений. Вместе с тем растет спрос на легализацию и защиту прав собственности, на улучшение репутации, необходимой для расширения дела и привлечения инвестиций. Соответственно должны сокращаться и масштабы теневой экономики.

Что объединяет все эти трудные проблемы, которые сегодня выходят у нас на первый план? То, что их решение требует изменения системы ценностей и неформальных институтов, развития культуры как условия роста экономики.

Что нам нужно

Для благополучия России в XXI в. наша экономика должна научиться производить и продавать на мировых рынках товары и услуги, отвечающие требованиям постиндустриального общества, т.е. такие, которые воплощают инновации и высокопрофессиональное умение.

Нефть, газ, металлы тоже годятся, поскольку конкурентоспособны. Они к тому же не требуют развития культуры и системы ценностей, а Россия, слава Богу, не обделена природными богатствами. Так что особых усилий прилагать не надо.

Но эти товары будут приносить доходы лишь в той мере, в какой на них будет спрос на мировых рынках. А поскольку мировая экономика будет расти не быстрее чем на 3—4% в год, а спрос на сырье и энергию будет расти еще медленнее в силу ресурсосбережения, подстегиваемого инновациями, возможности роста российской экономики при энергосырьевой ориентации экспорта в перспективе не будут превышать 2—3%.

Поэтому, если мы хотим добиться стабильного процветания, сравнимого с другими развитыми странами, нам нужно научиться производить такие конкурентоспособные продукты, которые делают страну участником мирового технологического и экономического прогресса. Причем это должны быть не отдельные образцы для выставок. Такие продукты должны занимать в нашем экспорте не менее 10—15%. Сейчас их доля на порядок меньше, как ни считать. В более широком плане нужен весомый экспорт конкурентоспособной готовой продукции — будь то энергетическое или металлургическое оборудование, станки, программное обеспечение или экологически чистые продукты пита-

ния. На внутреннем рынке в условиях полной открытости отечественная продукция должна занимать 75—80%. При этом страна будет иметь надежный платежный баланс, устойчивую национальную валюту, хорошие перспективы развития. Конкурентоспособная готовая продукция — цель модернизации. Научиться производить и продавать ее — национальная задача, от решения которой зависят будущее страны, ее позиции в мире, благосостояние населения. Это исторический вызов для постсоветской России. Это равносильно тому, чтобы русские автомобили не уступали “Фольксвагену” или русские самолеты — “Боингу”. Чтобы китайцы и американцы приезжали делать софтвер не только в Силиконовую долину, но и в Зеленоград или в Дубну.

Чтобы осуществить модернизацию такого рода с опорой на частную инициативу, необходимо привлечь огромные инвестиции, отечественные или иностранные — все равно. Для этого они должны вкладываться с высокой эффективностью, приносить отдачу при низких рисках. Нужны развитые финансовые рынки, лучший механизм трансформации сбережений в инвестиции. Стало быть, нужен большой радиус доверия.

Ответить на этот вызов мы сможем только в том случае, если удастся в приемлемые сроки добиться изменений в системе ценностей, в иных неформальных институтах, в культуре, связанных с повышением их продуктивности. На примере других стран, в частности Испании, мы видим, что ответить на этот вызов очень трудно, но возможно.

А что в свою очередь нужно для того, чтобы ценности менялись в нужном направлении? Естественно, не может быть никаких указов, законов или программ по перестройке системы ценностей.

1. Нужно *время*.

2. Нужно продолжение *институциональных реформ*, которые начаты, но требуют последовательности и настойчивости для завершения. Их список известен: дерегулирование и дебюрократизация, реформы административная, военная, судебная, государственного сектора, образования, здравоохранения. Нужно со-

кращение нерыночного сектора в естественных монополиях, жилищно-коммунальном хозяйстве, повышение денежных доходов населения при ликвидации натуральных льгот.

Особо хочу подчеркнуть важность усиления конкуренции и создания для нее равных условий. Конкуренция — незаменимый стимул к формированию продуктивных ценностей.

3. Нужна последовательная *демократизация*: последовательное, без всяких исключений следование демократическим правилам и процедурам, как бы ни казалось, что народ не созрел и может все порушить, что начальству, государству — “нашему единственному европейцу” — виднее. Без этого не будет доверия, без этого свобода не сменит вольность. Без этого не удастся избавиться от византийской традиции распоряжения властью.

Это означает также повышение самостоятельности и ответственности регионов.

Это означает реальное развитие местного самоуправления, без него не появится средняя культура.

Это означает устранение недреманного ока власти над средствами массовой информации.

Это, возможно, означает внесение изменений в Конституцию 1993 г. Очевидная мысль о необходимости в России сильной президентской власти, особенно актуальная в первые годы реформ, не становится ли она сейчас тормозом на пути отказа от вредных традиций распоряжения властью?

4. Нужна *гуманизация* власти, политики, общественной жизни. Мы жестоки к своим согражданам. У нас слишком большая дифференциация денежных доходов и материальной обеспеченности. При этом невозможно добиться серьезных успехов в борьбе с преступностью, коррупцией, теневой экономикой. Речь идет не об увеличении социальных гарантий и выплат сверх возможностей растущей экономики, но о том, чтобы давать их тем, кто нуждается, и в размерах, позволяющих прожить. И в первую голову гуманизация касается не государства, а гражданского общества, мотивации тех, кто может и хочет помогать людям. Гума-

низация — условие роста солидарности, общности, доверия. Неверно утверждение, что эффективность достижима, только если человек человеку — волк. Отстаивание своих прав, требовательность к согражданам должны сочетаться с социальной ответственностью и человеческим состраданием.

Я не знаю, какие для этого нужно предпринимать действия, но уверен — пришло время, когда это становится актуально, по настоящему важно для всех нас.

Мне могут сказать, а разве в 1992 г. или в 1998 г. это было не так важно, разве вообще есть время, когда это неважно. Согласен, это важно всегда. Но есть время разбрасывать камни, и есть время их собирать. Есть время революции и время нормальной жизни. Было время, когда никто не говорил о ценностях, на повестке дня стояли иные задачи. А теперь время изменилось, и очередные задачи модернизации экономики, создания институциональной структуры общества, способного обеспечить процветание, нельзя решить без гуманизации.

5. Повторюсь: нужно время, которого как всегда нет.

Литература

Аксючиц В.В. Под сенью Креста. М., 1997.

Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 1998.

Бердяев Н. Философия неравенства. М.: ИМА-ПРЕСС, 1990.

Бобнева М.И., Дорофеев Е.Д. Изменение ценностных систем личности в период преобразования общества // Ценностное сознание личности в период преобразования общества / Под ред. Е.Д. Дорофеева, Л.А. Седовой. М.: ИП РАН, 1997.

Братусь Б.С. Психология. Нравственность. Культура. М., 1994.

Бызов Л.Г. Социокультурная трансформация российского общества // Мир России. 2002. Т. 11. № 1.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1990.

Вишневский А.Г. Серп и рубль. М.: ОГИ, 1998.

Волков В.В. Силовое предпринимательство. СПб.: Летний сад. М., 2002.

Глазычев В. Слободизация страны Гардарики // Иное. М., 1995.

Громько М.М. Отношение к богатству и предприимчивости русских крестьян XIX века в свете традиционных религиозно-нравственных представлений и социальной практики // Этнографическое обозрение. 2000. № 2.

Западники и националисты: возможен ли диалог?: Материалы дискуссии. М.: ОГИ, 2003.

Знаков В.В. Понимание правды и лжи в русской историко-культурной традиции // Этническая психология и общество / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: ИЭА РАН, 1997.

- Инглхарт Р. Культура и демократия. Культура имеет значение. Московская школа политических исследований, 2002.
- Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994.
- Ключевский В.О. Сочинения. Т.1. М.: Госполитиздат, 1956.
- Кричевский Р.Л. Если Вы – руководитель. М.: Дело, 1998.
- Культура имеет значение. Московская школа политических исследований, 2002.
- Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России: Аналитический доклад. М., 2002.
- Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психологический журнал. 2000. № 3.
- Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Ключ-С, 1999.
- Лебедева Н.М. (ред.). Идентичность и толерантность: Сб. статей. М., 2002.
- Лебедева Н.М., Павелко Е.В. Исследование преемственности культур у русских на современном этапе развития // Ежегодник Российского психологического общества. Т. 4. Вып. 1. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1998.
- Левада Ю.А. От мнений к пониманию. М., 2000 (Библиотека Московской школы политических исследований).
- Левада Ю.А. (отв. ред.) “Советский простой человек”: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993.
- Лопухин В. Почему мы бедны // Эксперт. 2000. № 1—2.
- Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М.: Республика, 1991.
- Лосский Н.О. Характер русского народа. Посев, 1957.
- Мураками Х. Слушай песню ветра. М.: ЭКСМО Пресс, 2002.

Население России 2000 / Под ред. Е. Андреева. Центр демографических исследований ИНП РАН, 2001.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.

Нуреев Р.М. Экономика развития, 2001.

О'Шоннеси Дж. Принципы организации и управления фирмой. М.: Прогресс, 1979.

Павлов И.П. О русском уме // Литературная газета. 1991. № 30.

Почебут Л.Г. Психология и ценностные ориентации русского народа // Этническая психология и общество / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: ИЭА РАН, 1997.

Русские. Этнографические очерки. М.: Наука, 1999.

Собкин В.С. Национальная политика глазами старшеклассника // Этнос. Идентичность. Образование. М., 1998.

Солженицын А. Россия в обвале. М.: Русский путь, 1998.

Сото Э. де. Загадка капитала. М.: Олимп-бизнес, 2001.

Тойнби А. Постигание истории. М.: Айрис-пресс, 2002.

Хакамада С. Самоорганизация и стихийность: опыт сравнительного социально-психологического анализа Японии и России // СОЦИС. 1999. № 4.

Харрисон Л. Кто процветает?: Пер. с англ. 2002 [препринт].

Хашченко В.А. Ценностные ориентации различных социальных групп в условиях разных форм собственности // Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.В. Шороховой. М.: ИП РАН, 1998.

Шкаратан О.И., Карачаровский В.В. Русская трудовая и управленческая культура // Мир России. 2002. Т. 11. № 1.

Ясин Е.Г. Хозяйственные системы и радикальная реформа. М.: Экономика, 1989.

Bond M. Chinese values // Handbook of Chinese Psychology / M.H. Bond (ed.) Hong Kong: Oxford University Press, 1996.

Bond M.H. Finding Universal Dimensions of Individual Variation in Multi-cultural Studies of Values: The Rokeach and Chinese Value Surveys // Journal of Personality and Social Psychology, 1988.

Diamond L., Linz J., Lirset S.M. (eds.) Politics in Developing Countries, Comparing Experiences with Democracy. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1990.

Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y.: Free Press, 1985.

Gaddy C., Ikes B. Russian's "Vurtual Economy" // Foreign Affaires. 1998.

Harrison L.E. Underdevelopment is a State of Mind. 1985.

Harrison L.E. Who Prospers? How Cultural Values Shape Economic and Political Success. N.Y.: Basic, 1992.

Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-related Values. Beverly Hills: Sage, 1980.

Hofstede G., Bond M.H. The Confucius Connections: from Cultural Roots to Economic Growth // Organizational Dynamics. 1988.

Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. N 3.

Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. N.Y.: Simon and Shuster, 1996.

Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in Forty-Three Societies. Princeton University Press, 1997.

Inglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. 2000. February.

Kagitcibasi G. Whatever Happened to Modernization? // *Bulletin of Cross-Cultural Psychology*. 1998. Vol. 32. N 4.

Kluckhohn C., Strodtbeck F.L. Variations in Value Orientations. Evanston, IL: Row Peterson, 1961.

Putnam R. Making Democracy Work: Civic Tradition in Modern Italy. Princeton, 1993.

Rokeach M. The Nature of Human Values. N. Y., 1973.

Schwartz S.H. Are there Universal Aspects in the Structure and Contents of Human Values? // *Journal of Social Issues*. 1994.

Schwartz S.H. Beyond Individualism/Collectivism: New Cultural Dimensions of Values // *Individualism and Collectivism: Theory, Method and Applications* / U.Kim, H.C. Triandis, G. Yoon (eds.). Thousand Oaks, CA: Sage, 1994.

Schwartz S.H. Comparing Value Priorities Across Nations. Invited Address at 24 Congress of the Interamerican Society of Psychology. Santiago, Chile, 1993.

Schwartz S.H. Universals in the Structure and Content of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // *Advances in Experimental Social Psychology* / M.P. Zanna (ed.). Orlando, FL: Academic, 1992.

Schwartz, S.H., Bardi A. Influences of Adaptation to Communist Rule on Value Priorities in Eastern Europe // *Political Psychology*. 1997.

Schwartz S.H., Bilsky W. Towards a Psychological Structure of Human Values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987.

Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a Theory of the Universal Structure and Content of Values: Extensions and Cross-cultural Replications // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990.

Schwartz S.H., Ros M. Values in West: A Theoretical and Empirical Challenge to the Individualism — Collectivism Cultural Dimension // World Psychology. 1995.

Smith P.B., Schwartz S.H. Values // Handbook of Cross-Cultural Psychology. Boston, 1997.

The Economist. 2003. January 4th.

The Economist. 2003. January 11th.

Triandis H.C. Culture and Social Behavior. N. Y.: McGraw-Hill, Inc., 1994.

Triandis H.C., Brislin R.W. Social Psychology // Handbook of Cross-Cultural Psychology. Boston, 1980.

World Development Indicators (WDI). The World Bank, 2001.

Weber M. The Religion of China. N.Y.: Macmillan, 1951.

Williams R.M. Values // International Encyclopedia of the Social Sciences / E. Sills (ed.). N. Y.: MacMillan, 1968.

Я 81

Ясин Е.Г.

Модернизация экономики и система ценностей. — М.:
ГУ ВШЭ, 2003. — 83 с.
ISBN 5-7598-0235-6

УДК 33:17

ББК 87.7

Научное издание

Ясин Евгений Григорьевич
Модернизация экономики и система ценностей

Зав. редакцией *Е.А. Рязанцева*
Редактор *Е.Н. Ростиславская*
Художественный редактор *А.М. Павлов*
Корректор *Е.Е. Андреева*
Компьютерная верстка *О.А. Корытько*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.
Подписано в печать 27.02.2003 г. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Гарнитура Таймс. Тираж 1000 экз. Уч.-изд. л. 4,2.
Усл. печ. л. 4,82. Заказ № . Изд. № 290

ГУ ВШЭ, 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Тел.: (095) 134-16-41; 134-08-77
Факс: (095) 134-08-31

Для заметок
